

Тютюкин Станислав Васильевич

**ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ.
(Материалы к курсу)**

Тютюкин Станислав Васильевич, доктор исторических наук, профессор. В 1958 г. закончил исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. До сентября 2015 г. работал в Институте истории/истории СССР/российской истории РАН, пройдя за полвека путь до главного научного сотрудника. В 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1983 г. – докторскую. Область основных научных интересов – история России конца XIX – начала XX века, история российского пролетариата, история большевизма и меньшевизма. Автор более 220 научных работ, в том числе семи монографий. В 1995–2007 гг. был главным редактором журнала «Отечественная история», в 1997–1998 гг. исполнял обязанности председателя Научного совета РАН по истории революций в России, с 2013 г. – заместитель председателя Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций.

От автора

В основу публикации положены лекции, прочитанные автором на историческом факультете Института переподготовки и повышения квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук при МГУ им. М.В. Ломоносова в 1990-е годы. Были близки к этим лекциям и разделы, подготовленные в начале 2000-х годов по соглашению с Дирекцией Института всеобщей истории РАН для пятого тома «Истории Европы»¹. В 2015 г. данные тексты были значительно дополнены и заново отредактированы автором, который сознательно не касался в указанных лекциях и в «Истории Европы» вопросов военной и внешнеполитической истории, идеологических течений и революционного движения в России в XIX – начале XX в.

Осознание значимости и интереса поднятой в них проблемы для всех, кто занимается историей России указанного периода (это время нередко теперь трактуется, как «Долгий XIX век в российской истории»), побудило автора к завершению начатой полтора десятилетия назад работы и размещению ее в целях широкого доступа в сети Интернет.

Список наиболее интересной литературы по проблемам модернизации России XIX – начала XX в. помещен в конце публикации.

---

¹ См.: История Европы. М., 2005. Т. 5. С. 132–138, 207–212, 475–484, 553–563.

Преподавателю на заметку

1. Россия к началу XIX века

К началу XIX в. Россия представляла собой огромное полиэтничное евро-азиатское государство имперского типа с населением примерно 40 млн человек, из которых более 90 % жили в сельской местности. При этом Европейская Россия, на долю которой приходилось лишь чуть более четверти территории страны, обладала неизмеримо большим демографическим, экономическим и культурным потенциалом, чем ее азиатская часть. За первую четверть XIX в. границы России еще более раздвинулись за счет завоевания Финляндии, Бессарабии, части Польши и добровольного присоединения Грузии.

В многоукладной экономике страны были представлены примитивно-патриархальные, феодально-крепостнические и раннекапиталистические формы хозяйства. Главной его отраслью было в целом малопродуктивное из-за неблагоприятных природно-климатических условий в основном зерновое (рожь, овес, ячмень) сельское хозяйство, базировавшееся, как и животноводство, на малоэффективном крепостном крестьянском труде (15 млн чел.). В промышленном секторе экономики России преобладало текстильное производство мануфактурного типа, сырьем для которого служили лен, шерсть и привозной хлопок. Характерно, что даже так называемые «вольнонаемные» рабочие той поры представляли собой тех же крепостных крестьян, отпущенных баринами на оброк. На металлургических же заводах вообще применялся почти исключительно принудительный труд крепостных и так называемых посессионных (т. е. приписанных казной к данному предприятию) рабочих. Всего в России к началу XIX в. было уже чуть более 2 тыс. различных предприятий, где работали без малого 50 тыс. рабочих, включая 15 тыс. оставшихся в крепостной зависимости от своих помещиков.

На внешний рынок традиционно шли зерно, лес, лен, пенька, а какое-то время и русский чугун, причем особенно интенсивно развивалась торговля с Англией.

По уровню жизни основной массы населения Россия традиционно уступала более развитым странам Запада, что было с древности уже как бы запрограммировано. Виной тому были не очень благоприятная для интенсивного развития земледелия природно-климатическая ситуация на Восточно-Европейской равнине, опустошительные набеги восточных кочевников, длительная недоступность для России выходов к северным и южным морям и затруднительность связей центра страны с ее зауральскими восточными регионами. Даже ссылка на богатство России природными богатствами тоже начала положительно сказываться гораздо позже – в основном в XIX–XX веках.

Не случайно даже за происходившими практически почти во всех странах вспышками социального протеста «низов» против «верхов» общества и самого государства в России давно закрепилось (и сохраняется до сих пор) специфическое

Преподавателю на заметку

название «русского бунта», причем якобы всегда «бессмысленного и беспощадного» (А.С. Пушкин), что далеко не во всех случаях было оправдано.

Перелом во всей ситуации в России наметился лишь в самом конце XVII в., но особенно уже в XVIII в. при Петре I и Екатерине II. Однако догоняла Россия, ставшая уже империей, более цивилизованный Запад по-прежнему довольно медленно и в сложной, очень противоречивой международной обстановке. К тому же не будем забывать, что дело было не только в неблагоприятных природных условиях России, но и в многонациональном и многоконфессиональном составе населения, многоукладном характере ее экономики, что еще более осложняло всю ситуацию.

К началу XIX в. Россия явно запоздала хотя бы с частичной отменой крепостного права и предоставлением всем россиянам (независимо от их национальности) основных гражданских прав. В стране не было веротерпимости, а многочисленное еврейское население западных районов империи находилось в особо унижительном положении, хотя могло бы дать империи немало крайне необходимых специалистов. Кричащим диссонансом с бедностью и почти поголовной неграмотностью населения выглядела роскошь царского, а потом и императорского Двора. Это неравенство в условиях жизни считалось в России чуть ли не естественным, вполне оправданным и даже «вечным».

К началу XIX в. в России еще сохранялась уже явно становившаяся на Западе анахронизмом сословная система, при которой каждый социальный слой (дворянство, духовенство, купечество, мещанство, крестьянство, казачество – всего 68 социально-имущественных групп) обладал определенными правами и обязанностями. «Первенствующим» сословием было дворянство, имевшее привилегию на государственную службу (которая, однако, с 1762 г. уже не была для него обязательной), монополию на владение землей и крепостными крестьянами, право иметь свои корпоративные организации и сословный суд. Наконец дворяне были освобождены от уплаты податей и от телесных наказаний.

Имели свои привилегии также духовенство и купечество. Что же касается государственных и особенно частновладельческих крестьян, составлявших более 80 % населения империи, то они, напротив, имели только обязанности и практически никаких прав. На них ложилась вся тяжесть содержания государственного аппарата и вооруженных сил. Последние состояли в основном из тех же крестьян, на которых прежде всего падало тяжелое бремя рекрутской повинности, на целых 25 лет отрывавшей их от дома, семьи и мирного труда. Подушная подать, взимавшаяся в пользу государства с каждой «души» мужского пола, косвенные налоги, некоторые трудовые повинности, например поддержание в порядке проезжих дорог, но особенно барщина и оброк с помещичьих крестьян, – вот лишь основные виды крестьянских повинностей в пользу государства или их помещиков. Последние

Преподавателю на заметку

имели право практически бесконтрольно наказывать крестьян за любую провинность. Теоретически крестьяне имели право жаловаться на своих господ вплоть до верховной власти, но практически при полном отсутствии в России законов, охраняющих права низших сословий, единственными возможными формами крестьянского протеста оставались побеги, бунты и расправа с наиболее ненавистными помещиками путем самосуда.

Таким образом, нарисованная выше картина положения в России к началу XIX в. была достаточно сложной и противоречивой. В истории империи сочетались огромные размеры и отсталость, прогресс и застой, блеск и нищета. Россия уже в XVIII в. стала остро нуждаться во всесторонней экономической, политической и культурной модернизации и европеизации, без чего ей грозило превращение в страну «второго сорта» и прямая или косвенная зависимость от других, обогнавших ее в цивилизационной гонке европейских стран и США. Проще говоря, России нужно было покончить с крепостничеством и неграмотностью населения, провести глубокую демократизацию страны, радикальную аграрную реформу национального масштаба и индустриализацию империи, не забывая о десятках больших и малых народов, связавших с ней свою судьбу. Об этом и пойдет речь в настоящем очерке.

2. Борьба либеральных и консервативных тенденций в политике российского самодержавия в первой четверти XIX века

Новый век начался в России со становившегося уже редкостью государственного переворота, в результате которого 12 марта 1801 г. императором стал сын Павла I Александр (1777–1825). Не любивший, мягко говоря, отца Александр был любимым внуком Екатерины II, которая сразу же взяла в свои руки его воспитание и даже хотела видеть своим преемником на российском престоле в обход Павла I. Приглашенный из Швейцарии в качестве воспитателя великого князя Ф.С. де Лагарп был по своим убеждениям республиканцем и знакомил будущего российского императора с идеями европейского просвещения и Великой французской революции. Но первое же соприкосновение его воспитанника с российской действительностью, аморальностью екатерининского Двора, взаимной ненавистью бабушки и отца привели к трагическому раздвоению личности Александра, под знаком которой прошла вся его жизнь.

Он получил хорошее, хотя в основном и чисто книжное образование, рано прерванное по желанию бабушки его женитьбой на немецкой принцессе Луизе Баденской. Но счастья юным молодоженам этот брак Амура и Психеи, как их называли при Дворе, не принес, и со временем у Александра I даже появилась вторая семья с замужней польско-российской аристократкой красавицей М.А. Нарышкиной.

Преподавателю на заметку

После довольно неожиданной смерти в 1796 г. Екатерины II, не успевшей провозгласить Александра своим наследником, тот, не найдя с самодуром-отцом общего языка, но хорошо зная об антипавловских настроениях столичного дворянства и заговоре против Павла гвардейских офицеров, фактически санкционировал переворот, оговорив лишь отказ его участников от убийства императора. Однако это условие выполнено ими не было, и Павла задушили, причем вся эта кровавая история, безусловно, нанесла наследнику серьезную психическую травму, так как он стал считать себя косвенным виновником гибели отца. При этом в душе Александра навсегда поселилось чувство страха за собственную жизнь, мешавшее и его государственной деятельности. Характерно, однако, что когда в ту же судьбоносную мартовскую ночь 1801 г. у матери Александра Марии Федоровны вдруг проснулось желание самой царствовать в России, сын решительно пресек все ее попытки в этом направлении.

Накануне коронации Александра, назначенной на сентябрь 1801 г., его не раз посещала мысль, что если он в своем манифесте о вступлении на престол пообещал управлять Россией «по закону и сердцу» бабки – Екатерины II, то не опубликовать ли еще и «Всемилоостивейшую грамоту, русскому народу жалуюмую», где будет прямо сказано о защите личности и собственности всех сословий, свободе печати, справедливом суде и т. д., назвав все это «коренным законом страны»? Но природная осторожность императора взяла верх, став на всю жизнь его фирменной чертой, и грамота опубликована не была.

Главными его советниками после восшествия на престол стали «молодые друзья» Александра – русские аристократы В.П. Кочубей, Н.Н. Новосильцев, П.А. Строганов и поляк А. Чарторыйский, составившие так называемый «Негласный комитет» и быстро охладившие реформаторский пыл нового императора, внушив ему, что Россия – это дворянская Россия и торопиться с нововведениями здесь небезопасно. Поэтому при решении коренного в то время вопроса о крепостном праве Александр ограничился полумерами: он прекратил широко практиковавшуюся до него раздачу земель с крестьянами частным лицам, запретил печатать в газетах объявления о продаже крепостных людей и подписал в 1803 г. указ о «вольных хлебопашцах». Указ этот в принципе разрешал помещикам добровольно отпускать на волю за выкуп своих крепостных (поодиночке или целыми деревнями) с обязательным наделением их пашенной землей. Характерно, однако, что за все время царствования Александра I «вольными хлебопашцами» стали менее 50 тыс. крестьян мужского пола. К этому нужно добавить и его разрешение на покупку земель (без крестьян), данное лицам недворянского происхождения.

Бесспорно, до радикального решения крестьянского вопроса в России, т. е. до полной отмены крепостного права, здесь было еще очень далеко, да и сами

Преподавателю на заметку

15 миллионов крепостных крестьян, их господа и государство в целом еще не были в начале XIX в. готовы к этому ни в морально-психологическом, ни в организационном, ни в финансовом плане. Но уже один тот факт, что Александр I нарушил вековое молчание российской власти по этому крайне больному для России вопросу, имело огромное значение. Указы Александра I пробуждали надежды у самих крестьян, будили совесть у части их образованных господ и заставляли о многом задуматься тех, кто стоял тогда во главе государства и без чего сама эта реформа совершиться просто не могла. Сам же император хорошо запомнил урок, преподанный ему его «молодыми друзьями»: проблему крепостного права в России нужно решать только осторожно и постепенно, ни в коем случае не задевая базисных интересов российского дворянства.

Из других первых реформ Александра I отметим преобразование в 1802 г. по европейскому образцу прежних петровских коллегий в министерства, создание Непременного совета из 12 высших сановников империи и некоторое расширение полномочий Сената. Очень важны были и преобразования в области народного образования и просвещения. Речь идет о создании довольно стройной трехуровневой системы учреждений начальной, средней и высшей школы – одноклассных приходских и трехклассных уездных училищ, шестиклассных губернских гимназий и кадетских корпусов. Были также открыты новые Казанский и Харьковский университеты, три лицея (в том числе знаменитый Царскосельский, где учился Пушкин и его друзья), Институт инженеров транспорта и Московское коммерческое училище. В 1804 г. университеты получили внутреннюю автономию, а их профессора – функции квалифицированных и достаточно либеральных цензоров для других печатных изданий.

В целом же осторожный политический курс молодого Александра I в начале его царствования был очень положительно встречен большинством российского дворянства, как бы от имени которого А.С. Пушкин даже назвал первые годы XIX в. в России «дней Александровых прекрасное начало». Однако уже в 1805 г. Александр I крайне самонадеянно ввязался в войну ряда европейских держав, включая Англию, с Наполеоном, быстро ставшим из Первого консула Французской Республики императором Наполеоном I, который буквально рвался к победе над Россией, чтобы превратить ее в своего сателлита в борьбе за полную гегемонию Франции в европейской и мировой политике. Два разгромных поражения российской армии в битвах под Аустерлицем (1805) под командованием самого Александра I и Фридландом (1807) навсегда развеяли мечты российского императора о собственной полководческой карьере и заставили его пойти на заключение летом 1807 г. Тильзитского мира о «дружбе» с Францией. В России же многие увидели в нем национальное унижение и позор своей родины, причем из него вытекала

Преподавателю на заметку

необходимость ее автоматического присоединения к антианглийской континентальной блокаде, что серьезно било по внешнеторговым российским интересам. Поэтому после второго, Эрфуртского свидания двух императоров в 1808 г. дальнейшие отношения России и Франции были уже заморожены, а летом 1812 г. дело дошло до большой войны между ними.

Пока же Александр I, под которым несколько закачался после Тильзита трон, решил, чтобы укрепить свои позиции, использовать полученную там передышку в своих внешнеполитических делах для продолжения начатых и прерванных войной 1805–1807 гг. реформ в России, возложив на этот раз свои главные надежды на нового талантливом помощника – М.М. Сперанского.

Сын провинциального священника, Сперанский вначале пошел по стопам отца, блестяще закончив две духовные семинарии во Владимире и Петербурге. В последней он был оставлен даже в качестве преподавателя, но уже через три года, пережив настоящий духовный кризис, перешел сначала на частную светскую службу, а в 1797 г. стал работать в Сенате. Его исключительные способности, трудолюбие, исполнительность и скромность быстро привлекли внимание тех, кто окружал императора, и с 1802 г. Сперанский перешел на службу в МВД, став там директором департамента. В 1806–1807 гг. произошло и его быстрое сближение со своим главным патроном: Александр I искренне восхищался новым помощником, а тот, в свою очередь, увидел в императоре единомышленника и покровителя, готового, казалось, осуществить все его самые смелые замыслы.

Формально Сперанский, выслуживший к тому времени потомственное дворянство, не поднялся по служебной лестнице выше довольно неопределенной по своим функциям и обязанностям должности статс-секретаря, но фактически стал главным советником императора и вторым лицом в системе государственного управления. Результатом этого недолгого «служебного романа» стало в 1809 г. «Введение к Уложению государственных законов», написанное Сперанским с ориентацией на некоторые западные образцы и с учетом ставших уже более умеренными, чем в молодости, взглядами 32-летнего Александра I.

Сперанский исходил из целесообразности разделения законодательной, исполнительной и судебной власти в Российской империи на всех четырех уровнях – волостном, окружном, губернском и общероссийском. Избирать депутатов в представительные учреждения – Думы – предполагалось лишь в волостях, тогда как Думы более высоких уровней должны были формироваться путем делегирования в них депутатов из Дум нижестоящих. В выборах разрешалось участвовать лишь владельцам земли и недвижимости, включая не только дворян, но и купцов, мещан и даже казенных крестьян. Государственная дума, согласно этому проекту, не обладала правом законодательной инициативы (оно принадлежало только

Преподавателю на заметку

императору) и во многом оставалась по плану Сперанского лишь декоративным украшением абсолютистской системы. Другим – парным к Государственной думе – законосовещательным органом должен был стать Государственный совет, назначаемый лично императором. Власть последнего фактически оставалась, таким образом, неограниченной, но должна была опираться на закон, общественное мнение и уважать их. Эта странная смесь абсолютизма и элементов правового государства в лучшем случае могла бы стать лишь исходной точкой для весьма длительного процесса перехода России от самодержавия к конституционной монархии.

Вместо громоздкой и архаичной сословной системы Сперанский предложил разделить всех россиян лишь на три группы – дворянство, среднее сословие (купцы, мещане, государственные крестьяне) и «народ рабочий» (частновладельческие крестьяне, слуги, ремесленники, «работные люди»). По мнению автора, никто из подданных императора не мог быть наказан без суда, каждый имел право на приобретение собственности, а все повинности россиян подлежали строгой регламентации. Реформатор считал, что крестьяне в принципе, конечно, должны получить личную свободу, но конкретный механизм ликвидации крепостного права и решения земельного вопроса разработан Сперанским с учетом особой осторожности императора так и не был. Конечно, документ Сперанского и в таком виде мог бы сыграть немалую роль в деле модернизации государственного строя России, хотя преувеличивать его радикализм, наверное, не стоит, ибо автор уже твердо решил, что «обгонять» императора в данном вопросе нельзя, так как без него сам он – в сущности ничто. Так или иначе, вопрос об отмене крепостного права в России в 1809 г. решен не был.

Никаких принципиальных замечаний по поводу проекта Сперанского император не сделал, и казалось, что через какие-нибудь пять минут у России уже будет, наконец, первая в ее истории конституция. Однако подписать ее уже готовый проект Александр I без всяких объяснений тогда отказался, причем этой исторической минуте стране пришлось ждать еще почти целое столетие – до весны 1906 г., когда в разгар Первой российской революции это историческое событие все же совершилось.

Пока же 1 января 1810 г. в России указами императора был создан только Государственный совет из 35 членов, а сам Сперанский заслужил должность государственного секретаря и стал директором Комиссии по составлению законов при Госсовете. Дело в том, что он все больше раздражал консервативные дворянские круги, недовольные необоснованным, как им казалось, возвышением этого «выскочки», позволявшего себе критиковать даже императора. Большую роль играл при этом историк и писатель Н.М. Карамзин, знакомый с самим Александром I,

---

Преподавателю на заметку

его сестрой великой княгиней Еленой Павловной, их матерью императрицей Марией Федоровной и другими членами императорской фамилии. В 1811 г. по инициативе Елены Павловны Карамзин написал и подал императору записку «О древней и новой России», прославлявшую идеи Православия и самодержавия как высшей формы власти, поистине спасительной для России. К тому же дворянство, особенно столичное, было недовольно введением Сперанским «экзамена на чин», что больно било и по части государственных служащих, а также особого налога на владельцев крепостных. В итоге отношение к Сперанскому становилось в «верхах» все более враждебным. Да и сам император с подачи завистников и врагов Сперанского часто бывал уже недоволен его якобы «излишней» самостоятельностью (через 100 лет подобные же претензии предъявлялись Николаем II и особенно его женой П.А. Столыпину, «заслонявшему» собой государя).

Скорее всего, однако, главную роль в подготовке падения Сперанского все же играло обострение международной обстановки и появление на внешнеполитическом горизонте все новых и новых грозных туч, говоривших о приближении войны. Поэтому становилось ясно, что соединять дальнейшие реформы и подготовку к войне более чем рискованно. Не случайно уже в феврале 1811 г. проницательный Сперанский сам собирался уже подать в отставку, но император ее тогда не принял. Однако через год, в марте 1812 г., без всякого предупреждения с его стороны Сперанский был отстранен от дел и сослан сначала в Нижний Новгород, потом в Пермь, а затем в свое новгородское имение (в этом случае ему помог сосед по имени Аракчеев). Никаких ясных объяснений монаршего гнева дано Сперанскому при этом не было, а все его попытки как-то письменно оправдаться перед Александром оставались без ответа. Скрашивало ситуацию только то, что вместе с отцом была его дочь.

Молва приписывала Сперанскому чуть ли не шпионаж в пользу Наполеона, что было абсолютной выдумкой, но накануне войны с Францией Александр I действительно предпочел удалить его от своего Двора. Как хороший психолог император понимал, что в противном случае ставшее уже подозрительным для многих россиян одно имя Сперанского, союз России с Францией и оставшиеся лишь на бумаге конституционные реформы в России бросят тень уже и на него.

Что касается причин его ссоры со Сперанским, то не будем забывать о том, что сначала они работали над конституционным актом для России совместно, становясь как бы соавторами этого важного документа, хотя и с далеко не равными правами – «заказчика» (император) и просто талантливого исполнителя (Сперанский). Стоило последнему немного расслабиться и забыть об этом, как Александр I начинал показывать свое неудовольствие, не объясняя при этом его причин. Поэтому Сперанскому нужно было внимательно следить за сложнейшей международной и

Преподавателю на заметку

внутриполитической обстановкой в России, за своими соперниками, недоброжелателями и врагами, а также за настроениями самого Александра I, ибо ничего постоянного и прочного между ними быть не могло. Между тем великий реформатор в этом отношении далеко не всегда был на высоте, позволяя себе в отношениях с императором много лишнего и забывая при этом, что последний – блестящий актер, который может легко очаровать собеседника, но до конца верить которому нельзя. Между тем император сначала стремился во что бы то ни стало привлечь Сперанского на свою сторону, но вскоре как бы спохватываясь, не выглядит ли он по сравнению со своим помощником «круглым нулем» и не нужно ли ему вовремя поставить последнего на место, что он с ледяной вежливостью и делал, не раз обдавая Михаила Михайловича презрительным холодом.

Между тем Отечественная война 1812 г. во многом сильно изменила поведение Александра I по сравнению с войной с Наполеоном 1805–1807 гг., когда он так неудачно лично вмешивался в руководство русской армией. Теперь он по достоинству оценил военный талант и Барклая-де-Толли, и Багратиона, и Кутузова, не пересматривал решения последнего как главнокомандующего, смирился с оставлением русской армией Москвы французам и с ее печально знаменитым пожаром 1812 г., в значительной степени обязанным своим происхождением патриотическим действиям самих ее жителей. Наотрез отказался Александр I от каких бы то ни было мирных переговоров с Наполеоном и довел войну до капитуляции Парижа. Действия российского императора в 1812–1814 гг. в полной мере были подчинены задаче достижения военной и дипломатической победы России, сделавшей лично его на некоторое время «царем царей» во всей Европе.

С выполнением его новой задачи превращения в чисто «русского царя» была во многом связана и кадровая политика Александра I того времени. Он неожиданно для многих назначил на вакантный после отставки 40-летнего Сперанского пост государственного секретаря 58-летнего отставного адмирала и поклонника Карамзина А.С. Шишкова, который как известный ученый-славист должен был готовить для императора документы патриотического содержания, адресованные народу. А в 70 лет тот же Шишков стал в 1824 г. министром народного просвещения, обязавшись воспитывать молодое поколение россиян в «правильном» духе.

Другой же новый фаворит Александра I А.А. Аракчеев был по крайней мере не старше Сперанского, но сравнивать их по уровню интеллекта и таланта было бы просто наивно. Это был небогатый и достаточно ограниченный тверской помещик, который окончил артиллерийский и инженерный шляхетский корпус и начал службу в Гатчине у великого князя Павла Петровича – будущего императора Павла I. Там он и познакомился с его сыном Александром, которого подкупила какая-то «собачья» преданность ему Аракчеева («Без лести предан» гласила надпись на его графском

Преподавателю на заметку

гербе, пожалованном ему за верную службу Павлу, хотя тот дважды увольнял его, однако, со службы). Став императором, Александр I вернул Аракчеева в армию, а в 1808 г. даже назначил военным министром, сделавшим немало полезного для развития русской артиллерии. Наконец с 1810 г. этот временщик возглавил Департамент военных дел Госсювета.

Аракчеев не принимал личного участия в Отечественной войне, так как не переносил подобного физического и нервного перенапряжения всех своих сил (многие, однако, трактовали это как элементарную трусость), но зато стал в Госсювете докладчиком по всем обсуждавшимся там вопросам. Воспользовавшись отсутствием Александра I в Петербурге (он был в заграничных походах русской армии, затем на Венском конгрессе), Аракчеев постепенно сосредоточил в своих руках с согласия императора также руководство работой Комитета министров и императорской Канцелярии, что, видимо, устраивало Александра I, так как он не искал фавориту замены.

Еще до войны Аракчеев получил свыше поручение начать работу по организации в России военных поселений из государственных крестьян, что позволило бы им соединить мирный сельский труд и несение военной службы. Сначала Аракчеев был против этой затеи, правильно считая ее нереальной, но упорство императора взяло верх, и после войны с 1816 г. работа по созданию поселений, несмотря на сопротивление самих поселенцев, была продолжена. Доводов за этот план было несколько: возможность удешевить содержание миллионной российской армии, предоставление поселенцам права заводить семьи и иметь детей, строительство для поселений дорог и мостов, которых в России всегда катастрофически не хватало, и намерение устраивать поселения поближе к западной границе России, откуда ей угрожала наибольшая внешняя опасность. В итоге к концу царствования Александра I в России было уже около 400 тыс. военных поселенцев. При этом Аракчеев неожиданно стал одним из главных приверженцев создания этого вида войск, и когда в 1819 г. в двух полках поселенцев начались волнения, он лично их усмирлял. Существовали же военные поселения до 1857 г., служа лишь для обеспечения армии продовольствием, а кавалерии – фуражом.

Из заграничных походов Александр I привез увлечение мистицизмом и спиритическими сеансами, вызывая, например, даже дух Иисуса Христа (в окружении императора появились и такие фигуры, как баронесса Юлия фон Крюденер). Еще в конце 1812 г. в России стало действовать под покровительством императора Библейское общество, распространявшее книги Священного Писания. Личный друг Александра I князь А.Н. Голицын, который прежде был обер-прокурором Синода, в 1817 г. возглавил Министерство духовных дел и народного образования, просуществовавшее в таком виде до 1824 г. Оно буквально громило за

Преподавателю на заметку

вольнодумство Казанский университет, уволив часть профессоров и установив казарменную дисциплину для студентов, чтобы покончить с их вольнодумством и преподавать все учебные дисциплины на основании истин Священного писания. Гонения на некоторых профессоров прошли также в Харьковском и Петербургском университетах.

Политика веротерпимости начального периода царствования Александра I сменилась жесткой политикой запрещения в 1822 г. в России всех масонских лож и тайных обществ, изгнания из страны иезуитов и т. д. Однако в 1824 г. император сам упразднил министерство Голицына, вернулся к существовавшему прежде Министерству народного просвещения и отправил Голицына в отставку. Это явилось отражением идеологического наступления ревнителей Православия во главе с фанатичным архимандритом Фотием, угодившим на этот раз Александру. Вновь в фавор вошел и упоминавшийся выше Шишков.

Отражением явного поправения взглядов Александра I в последние годы его царствования явилась и дальнейшая судьба Сперанского. С одной стороны, как бы доказывая тем самым вздорность прежних обвинений в его адрес, явились назначения его в 1816 г. Пензенским гражданским губернатором, в 1819 г. – Сибирским генерал-губернатором, а в 1821 г. (видно, не без протекции Аракчеева) он вернулся в столицу. Там он стал чем-то вроде секретаря этого временщика, причем возобновившиеся были личные встречи Сперанского с императором в 1823 г. прекратились. Занимался же Сперанский и руководством Комиссии по составлению законов, и делами, связанными с военными поселениями, но прежнего положения при Дворе он уже больше не занимал.

Совсем не либеральный характер внутренней политики Александра I в 1820-е годы проявился, например, в подавлении беспорядков в гвардейском Семеновском полку, где солдаты отказались служить под командованием нового командира полковника Шварца. Он стал применять телесные наказания даже к ветеранам полка, запретил зарабатывать солдатам деньги на улучшение своего питания и т. д., что вызвало в полку нездоровую атмосферу. В итоге полк был раскассирован, солдат разослали по другим гарнизонам на Кавказе и в Сибири, а ряд офицеров даже арестовали, причем все это было сделано с ведома самого Александра I.

Возникает законный вопрос: неужели император начисто забыл в те годы о своих прежних реформаторских начинаниях? Истины ради отметим, что время от времени Александр как будто сбрасывал с себя какое-то оцепенение и вспоминал о необходимости некоторых нововведений. Но бывало это редко и оставалось обычно только на уровне проектов. Так, в 1815 г., чувствуя ненормальность польско-русских отношений после разделов Польши при Екатерине II и закрепления этого решения на международном Венском конгрессе 1814–1815 гг., Александр I

Преподавателю на заметку

решил наконец дать «своим» полякам довольно либеральную по тем временам конституцию. Это и было сделано им в ноябре 1815 г., причем в марте 1818 г., выступая при открытии Сейма в Варшаве, император публично намекнул, что собирается сделать то же самое и по отношению к другим подвластным ему областям империи. Это породило многочисленные надежды российских демократических и либеральных кругов на то, что в их число войдет и сама Россия, но реально Александр I опять ничего так и не сделал.

Вторым примером того же рода является секретное поручение, данное Александром I в 1818 г. двенадцати русским сановникам (П.Д. Киселеву, Аракчееву и др.), разработать проекты отмены крепостного права в России с соблюдением двух главных условий – постепенности проведения реформы и отказа от ущемления интересов помещиков. Аракчеев, в частности, – а его проект был одним из самых интересных – предлагал произвести поэтапный выкуп помещичьих крестьян казной с землей (2 десятины на ревизскую душу на условиях аренды с возможностью в дальнейшем выкупа в собственность и других участков). Выкуп позволил бы помещикам избавиться от долгов и наладить свое хозяйство на рациональных началах. Однако никаких объяснений своего отказа от проведения реформы авторам указанных проектов императором дано даже не было.

Правда, в Прибалтике (Эстляндия, Курляндия, Лифляндия), которая для Александра I давно уже была неким «полуевропейским» испытательным полигоном при решении в России крестьянского вопроса, крестьяне в 1816–1819 гг. получили личную свободу, но только смехотворный надел в 2 дес. земли, к которым в дальнейшем можно было прикупить у помещика еще и дополнительный участок, что позволило бы продлить существование зависимости крестьян от бывших владельцев еще на неопределенное время.

Наконец третьим примером аналогичных колебаний Александра I был его отказ от подписания фундаментальной «Государственной Уставной грамоты Российской империи», тщательно разработанной в 1819–1820 гг. в Варшаве по его поручению под руководством еще одного «друга юности» Новосильцева. Она представляла собой некую Конституционную хартию Российской империи, где провозглашались основные права россиян и равенство всех ее граждан перед законом. Этот важный и гораздо более детализированный по сравнению с упоминавшимся выше проектом Сперанского документ, составленный без предварительной огласки тайно в Варшаве под руководством товарища министра юстиции Новосильцева при участии французского юриста Першар-Дешана, предусматривал превращение России в конституционную парламентскую монархию, все граждане которой получали свободу слова, совести, печати, а их личность считалась неприкосновенной. Частная собственность тоже торжественно

Преподавателю на заметку

объявлялась в России священной и неприкосновенной. Предполагалось, что территория империи будет разделена на несколько наместничеств, объединенных на федеративных началах. Однако ко времени окончания работ над проектом ситуация в Европе и в самой России опять изменилась в худшую сторону. Революции в Испании, Португалии и Италии, а также уже упоминавшийся бунт в гвардейском Семеновском полку быстро отрезвили Александра I. К нему стали поступать и доносы о возникновении в российской офицерской среде тайных обществ будущих декабристов. И хотя император не торопился с репрессиями, хорошо понимая, что заговорщики в сущности хотели бы осуществить лишь то, что было раньше задумано, но не сделано им же самим, его реформаторский пыл снова угас.

События 1825 года – последнего года в жизни Александра I – породили легенду о том, что он тайно и добровольно отрекся от престола и ушел в частную жизнь под именем «старца» Федора Кузьмича. После смертей в 1824 г. любимой сестры Екатерины и единственной остававшейся в живых взрослой дочери Софьи (от его многолетней связи с М.А. Нарышкиной) и ноябрьского наводнения на Неве Александр уехал летом 1825 г. из Петербурга в небольшой городок Таганрог у Азовского моря, где после несколько таинственного примирения со своей упоминавшейся выше официальной супругой Елизаветой Алексеевной они поселились вместе в небольшом домике, который он сам заранее выбрал для них. Жена была тяжело больна, нуждалась в лечении вблизи моря и в интересах экономии средств (!) выбрала Таганрог вместо дорогостоящей поездки в Италию.

Однако Александр, выезжая по делам из Таганрога в Крым, подхватил лихорадку и, вернувшись опять к жене, слег в постель и скончался 19 ноября 1825 г. Похоронен же он был только через 4 месяца в Петербурге в Петропавловском соборе, как и полагалось в России императору. Елизавета Алексеевна тоже направилась из Таганрога в столицу, но по дороге умерла в г. Белеве и была похоронена в Петербурге. Эксгумация останков Александра I никогда не производилась, и его физический внешний облик по этим останкам не воспроизводился. Сходство «старца» Федора Кузьмича с императором Александром I было весьма отдаленным, и к легенде о нем интерес был в конце концов потерян, тем более что в последующем ходе российской истории эта легенда большой роли уже не играла.

Финалом 25-летнего царствования Александра I и прологом к воцарению его брата Николая стала неудачная попытка военного переворота, предпринятая в декабре 1825 г. группой патриотически настроенных молодых русских офицеров, командовавших несколькими тысячами солдат. Их выступления сначала 14 декабря на Сенатской площади Петербурга, а затем в конце декабря 1825 – начале января 1826 г. на Украине были последним актом их многолетнего оппозиционно-

Преподавателю на заметку

революционного движения, получившего у современников и в историографии название движения декабристов.

Они хотели установить в России конституционную монархию или даже республику, ввести гражданские свободы и отменить крепостное право. Помимо их лидеров и идеологов, прямое или косвенное участие в движении декабристов приняли около 600 военных и примкнувших к ним гражданских лиц, не считая многочисленных сочувствующих («декабристов без декабря»), количество которых, естественно, определить просто невозможно. При этом сами декабристы в интересах конспирации и не стремились слишком расширять свои ряды и тем более вовлекать в движение народные массы, будь то солдаты или крестьяне. Совершенно очевидно, что пресловутый «русский бунт» с его непредсказуемыми последствиями пугал их не меньше властей и основной массы дворянства.

Идеология декабризма складывалась под влиянием идей европейского и русского Просвещения и Великой французской революции XVIII в. Его сторонники гордились ведущей ролью России в разгроме Наполеона и одновременно возмущались той нищетой и бесправием, в условиях которых жило большинство россиян, особенно крестьяне. Учитывали они также опыт российских масонских лож и тайных антиправительственных организаций 1820-х гг. в Испании, Португалии, Греции, Италии и некоторых других европейских странах.

Первая, еще преддекабристская организация «Орден русских рыцарей» возникла в 1814–1816 гг. среди участников заграничных походов русской армии. Затем уже в самой России последовательно сменяли друг друга «Союз спасения», «Союз благоденствия» и наконец оформившиеся в 1821–1822 гг. Южное и Северное тайные общества. Первое было более радикальным по своей программе и тактике и состояло из офицеров, проходивших службу на юге России. Возглавлял его полковник П.И. Пестель. К южанам присоединилось затем и Общество соединенных славян. Северное общество объединяло главным образом гвардейских офицеров столицы, но накануне декабрьского выступления 1825 г. самой яркой фигурой среди его руководителей стал поэт К.Ф. Рылеев.

Характерно, что правительство знало из доносов о существовании этих тайных заговорщических организаций, но вплоть до самого последнего момента не принимало против их участников репрессивных мер, то ли опасаясь неблагоприятного для себя общественного резонанса, то ли потому, что сам император чувствовал определенную моральную ответственность за то, что своим либерализмом в начале царствования пробудил у россиян так много не сбывшихся надежд и ожиданий свободы.

Политические взгляды декабристов варьировались от крайнего радикализма, республиканских убеждений и готовности к цареубийству до умеренного

Преподавателю на заметку

либерализма, от интернационализма до великорусского национализма и от полного атеизма до ортодоксального Православия. Существенные оттенки были и в программных документах декабристов, хотя им были присущи и общие антисамодержавные и антикрепостнические черты.

«Конституция» Н.М. Муравьева (Северное общество) предусматривала провозглашение в России конституционной монархии с делением территории страны на 15 крупных регионов, объединенных в федерацию. В общероссийском масштабе власть должна была осуществляться двухпалатным парламентом и императором, обладавшим правом вето в отношении любых принятых парламентом решений. «Русская правда» Пестеля, работа над которой закончена так и не была, декларировала создание в стране парламентской республики (члены императорской фамилии подлежали уничтожению), где все россияне, достигшие 18 лет, получали равные избирательные права. Но сначала России, по плану Пестеля, предстояло пережить переходный период революционной диктатуры, осуществляющей «цензуру нравов» и опирающейся на огромный полицейский аппарат. Единственной религией для всех россиян объявлялось Православие, а евреев, по мнению автора, следовало бы выселить из пределов России либо заставить отказаться от своей религии и обычаев. Однако диктаторские замашки и неразборчивость Пестеля в средствах достижения поставленной цели вызвали резкий протест со стороны многих его товарищей и в конечном счете помешали намечавшемуся слиянию Южного и Северного обществ. Это негативно сказалось на судьбе всего движения, закончившегося казнью пятерых его руководителей и ссылкой в Сибирь более сотни других участников, а также наказанием солдат, вышедших 14 декабря 1825 г. на Сенатскую площадь в Петербурге.

Что касается решения аграрного вопроса, то Муравьев сначала предлагал освободить крестьян вообще без земли, а потом дать им надел в размере всего 2 десятин. Пестель пытался соединить принцип уравнительного распределения земли между всеми желающими на ней работать (для этого подлежали конфискации поместья царской семьи и крупнейших помещиков, а также земли монастырей). Предполагалось вместе с тем создание земельного фонда для «достижения изобилия», причем он базировался бы на принципе частной собственности на землю, которую могли сохранить и помещики. Характерно, что о «черном переделе», о котором мечтали крестьяне, никто из идеологов декабризма не говорил.

Выступление заговорщиков в декабре 1825 г. было искусственно ускорено неожиданной смертью в ноябре в Таганроге бездетного императора Александра I. По неизвестным причинам он не сделал при жизни достоянием гласности факт отказа от престола своего брата Константина и перехода всех прав на императорскую корону к следующему по старшинству брату Николаю. Когда же

Преподавателю на заметку

завещание Александра было все-таки вскрыто, то группа находившихся в Петербурге генералов заставила Николая принести присягу Константину, мотивируя это тем, что гвардия Николая не любит и не поддержит. Однако Константин настаивал на своем отречении, власти в стране фактически не было, и в результате возникла ситуация, когда декабристы получили некоторый шанс выступить как бы в поддержку Константина, а на самом деле самим захватить власть.

Когда же дело дошло до попыток реализации их замысла, то декабристы из Северного общества сделали это наспех, без тщательной подготовки и, столкнувшись с сильной волей и жестокостью Николая Романова, защищавшего себя, свою семью и весь самодержавный режим, быстро капитулировали, погрузив мыслящую Россию в состояние глубокого шока, для выхода из которого стране понадобились многие десятилетия.

В связи с этим нужно сказать, что достаточно неожиданная смерть Александра I да еще вдали от Петербурга в Таганроге, отсутствие в России четко прописанного закона о престолонаследии, бездетность императора, отсутствие оперативной связи между Таганрогом, Петербургом и Варшавой, где находился великий князь Константин Павлович (остававшийся официальным наследником престола, но не желавший принять корону Российской империи), отсутствие в военной и государственной элите страны единой точки зрения по вопросу о том, кто будет следующим российским императором, и, наконец, наличие революционной организации (Северного и Южного обществ заговорщиков) – все это затрудняло в ноябре–декабре 1825 г. решение вопроса о преемнике Александра I и означало определенный временный кризис власти в России, так как тогда в императорской семье не оказалось человека, которого заранее готовили к роли будущего венценосца, что очень затрудняло на первых порах положение нового императора Николая I.

3. Апогей самодержавия во второй четверти XIX века

Третьему сыну Павла I Николаю (1796–1855) из-за отказа старшего брата Константина, женатого морганатическим браком на польке, предстояло стать после Александра I следующим российским императором, хотя практически он не был заранее к этому подготовлен. Николай отличался очень красивой внешностью немецкого типа, отменным здоровьем, прекрасной военной выправкой и почти двухметровым ростом. Поскольку его не готовили к принятию монаршего сана, на образование великого князя не обращалось большого внимания, что лишь частично восполнялось у него природным умом, смелостью, твердым характером и глубоким религиозным чувством.

Преподавателю на заметку

Николай с малых лет был определен в военную службу и в полтора года стал уже полковником, а в 29 – командовал гвардейской дивизией. При этом особые способности Николай проявлял в инженерном деле, иногда сам называя себя инженером. Но он не пользовался популярностью в войсках ни среди офицеров, ни среди солдат, не отличаясь ни чувством искреннего товарищества среди первых, ни заботливостью о вторых. Николай держал себя с подчиненными довольно высокомерно и сухо, что находило отражение и в общественном о нем мнении.

Будущего императора отличали высокое самомнение, самоуверенность и командный тон при общении с окружающими, хотя он был действительно смел и решителен в острых и опасных жизненных ситуациях. Достаточно напомнить, как в 1831 г. Николай в одиночку подавлял холерный бунт на Сенной площади в Петербурге.

Великому князю Николаю предстояло стать в дальнейшем в династии Романовых лишь одним из ее второстепенных членов, но судьба уготовила ему совсем другую участь вершителя судеб многих миллионов россиян в качестве их верховного коронованного вождя и видного политика международного уровня. Таков был тот человек, который утром 14 декабря 1825 г., уходя на Сенатскую площадь, даже не был уверен, что вернется вечером к своей семье, а наутро следующего дня неожиданно для себя оказался первым человеком в Российской империи.

Несмотря на то, что между Николаем и Александром Романовыми никогда не было теплых братских отношений (сказывалась их разница в возрасте в 19 лет), младший брат никогда открыто не критиковал старшего, видимо, считая, что это подорвет престиж династии в целом. Больше того, в 1834 г. на Дворцовой площади Петербурга был водружен существующий и поныне грандиозный памятник Александру I, увенчанный бронзовой фигурой Ангела, как называли Александра I в семье (Александрийский столп).

Однако в 1826 г. в руках Николая I после смерти вдовы брата Александра Елизаветы Алексеевны (о ее сложной судьбе уже говорилось выше) оказался ее дневник на французском языке с подробным описанием, в частности, и ее романа 1826–1827 гг. с красавцем-кавалергардом Алексеем Охотниковым. Он закончился трагической гибелью последнего и рождением их дочери, которую Александр I вынужден был во избежание огласки и неизбежного скандала признать своим ребенком (уже в 1808 г. девочка умерла). Охотников же был ранен неизвестным мужчиной ударом кинжала и через несколько дней умер, причем Елизавета Алексеевна перед смертью трогательно с ним еще успела проститься. Инициатором же убийства Охотникова был, по всей видимости, великий князь Константин Павлович, тоже влюбленный в Елизавету, но отвергнутый ею.

Преподавателю на заметку

Эта трагическая история, рассказанная в дневнике Елизаветой Алексеевной, неожиданно вызвала гнев Николая I, который сжег дневник (пересказав перед этим содержание всех любовных эпизодов собственной жене), чтобы не дискредитировать династию Романовых в глазах возможных будущих читателей этого документа. Тем не менее сам факт романа императрицы и Охотникова все же дошел до нас, не вызвав, однако, той возмущенной реакции читателей, которой напрасно так опасался Николай I.

Став императором, Николай I должен был решить вопрос о своей команде для управления Россией и, в частности, о судьбе М.М. Сперанского. Еще утром 14 декабря кто-то из заговорщиков на случай успеха восстания успел сообщить последнему о желании декабристов видеть его в составе будущего Временного революционного правительства, но никакого определенного ответа тогда на это рискованное предложение от Сперанского не получил, страшно заинтриговав этим Николая I. Когда же с попыткой восстания было покончено, новый император все же решил выяснить у самого Сперанского, замешан ли он был в заговоре или нет? Сперанский предпочел начисто отречься от своей идейной близости с декабристами, а император решил поверить на слово нужному ему талантливому советнику, хотя и то, и другое было верно лишь отчасти. В итоге же Николай I дал Сперанскому важное поручение – составить текст манифеста по случаю казни пятерки декабристов, назначенной на 13 июля 1826 г., когда следствие по их делу было закончено.

В день казни руководителей декабристов был издан написанный Сперанским манифест, где осужденные были прямо названы преступниками, смерть которых достойна их преступления. «Отечество очищено от следствия заразы, столько лет среди его таившейся... В государстве, где любовь к монархам и преданность престолу основаны на природных свойствах народа, где есть отечественные законы и твердость в управлении, тщетны и безумны всегда будут усилия злонамеренных... Не в свойствах, не в нравах российских был сей умысел... Сердце России для него было и будет неприступно. Не посрамится имя русское изменою престолу и Отечеству». Употреблялись Сперанским и такие выражения, как «мятеж», «изверги» (применительно к декабристам) и т. д. В итоге подозрения Николая I были со Сперанского окончательно сняты, и он получил поручение (а точнее приказ) императора систематизировать все прежнее и текущее российское законодательство, но не готовить никаких новых законов.

Формируя свою управленческую команду, Николай I в угоду общественному мнению сразу же отправил в отставку Аракчеева, хотя к основным принципам его политики относился вполне сочувственно. Решил он оставить в правительстве двух главных министров-немцев – руководителя внешней политики К.В. Нессельроде и министра финансов М.Х. Рейтерна, выдвинувшихся еще при Александре I. Доверием

Преподавателю на заметку

Николая пользовались и еще несколько заслуживших благосклонность покойного императора деятелей – В.П. Кочубей, А.С. Шишков и др. Но характерно, что когда в конце 1826 г. был сформирован тайный особый комитет для разборки бумаг покойного императора на предмет их использования в практике работы по управлению государством, то оказалось, что ничего заслуживающего внимания Николая I среди них якобы не нашли, хотя там были и документы об отмене в России крепостного права, чего новая российская власть делать явно не собиралась.

Поэтому у нового российского императора, который интуитивно начал руководствоваться известной формулой французского короля Людовика XIV «Государство – это я» (хотя возможно, что он ее точно и не знал, но додумался до чего-то подобного и сам), возникла мысль использовать для контроля за работой госаппарата императорскую Канцелярию, существовавшую в России еще со времен Павла I и Александра I. Ее первое Отделение было призвано следить за сбором прошений россиян своему императору, их передачей по назначению и ответами на них самодержца. Теперь же сотрудникам этого отделения предстояло еще ежедневно собирать отчеты всех ведомств об их текущей работе и в случае необходимости оперативно докладывать обо всем императору. Поручения при этом давались генерал- и флигель-адъютантам, которым император доверял больше, чем другим. По результатам следствия над декабристами он приказал составить перечень всех наиболее важных критических замечаний заговорщиков в адрес власти и их конкретных предложений, к которым сам Николай собирался так или иначе прислушиваться.

Большое значение придавал он и второму Отделению Канцелярии (руководитель М.А. Балугьянский), где ее молодым сотрудникам под руководством Сперанского предстояла гигантская работа по составлению к 1830 г. «Полного собрания законов Российской империи» в 45 томах, а к 1832 г. – «Свода действующих законов Российской империи» за время от 1649 до 1825 г. в 15 томах, что Сперанский считал «главным делом своей жизни». В 1839 г. он был возведен императором за все его труды в графское достоинство, а сам император очень гордился работой, проделанной в отделении.

Но наиболее серьезной частью всей работы по совершенствованию структуры и расширению обязанностей императорской Канцелярии было создание в ней в июле 1826 г. по инициативе и докладу императору участника Отечественной войны и заграничных походов 1813–1814 гг. боевого генерала А.Х. Бенкендорфа ее III Отделения, занимавшегося вопросами государственной безопасности и руководством тайной полицией в России. При этом Бенкендорф занял совершенно особое положение при Николае I, заслужив его полное доверие и даже став личным другом императора. Ведь Николай I не забыл, кто был рядом с ним на Сенатской

Преподавателю на заметку

площади при подавлении восстания декабристов, а после их ареста вел вместе с А.И. Чернышевым следствие по делу важнейших заговорщиков.

Простой перечень потенциальных нарушителей российских порядков, как это представлялось Бенкендорфу, был довольно большим и разнообразным. Он включал не только революционеров, но также писателей и ученых, которые легче могли проникнуться прозападными настроениями, сектантов, фальшивомонетчиков и т. д. Специально выделялась задача следить за «народным духом» в империи, не забывать о недостатках российской бюрократии и особо обращать внимание на настроения крестьянства и состояние цензуры в России. III Отделение должно было составлять ежегодные отчеты о положении дел в империи лично для императора. При этом в распоряжении III Отделения была целая сеть тайных агентов как внутри России, так и за границей.

Бенкендорф примерно 15 лет занимал вплоть до своей смерти в 1844 г. особое место в николаевской бюрократии. Чего стоят одни только его неоднократные поездки в коляске вместе с императором по России. Лишь очень редко Николай I позволял себе пенять другу за некоторые упущения по службе. Так, в 1837 г., ценя А.С. Пушкина как «умнейшего человека» в России, он упрекнул Бенкендорфа за то, что тот и его люди допустили дуэль поэта с иностранцем Ж. Дантесом с ее трагическим исходом.

Элита российской творческой интеллигенции закономерно пользовалась повышенным вниманием со стороны III Отделения. Несмотря на его строгий «присмотр» за отечественными сочинителями, к российской читающей публике все же прорывались многие достаточно смелые литературные и научные сочинения того времени, например «Ревизор» и «Мертвые души» Н.В. Гоголя, критические статьи В.Г. Белинского, а также философские и художественные произведения А.И. Герцена, которого Николай I в конце концов все же «выпустил» из России за границу. Император лично «опекал» и любил давать советы чисто творческого характера А.С. Пушкину и великому художнику Карлу Брюллову, подолгу беседовал с известными архитекторами К. Росси, О. Монферраном, К. Тоном, лично слушал с семьей русские национальные оперы М.И. Глинки: патриотического «Ивана Сусанина» и сказочную «Руслан и Людмила» (последняя опера почему-то не понравилась Николаю I).

Тем не менее поэт М.Ю. Лермонтов за свое распространявшееся в списках по Петербургу в 1837 г. ультрасмелое стихотворение «На смерть поэта» был сразу же выслан на Кавказ, где и погиб на дуэли. А философ П.Я. Чаадаев за резкий отзыв о Православии, освятившем, по его мнению, своим авторитетом «ужасную язву» – крепостное право, был объявлен лично Николаем I «сумасшедшим», а публикация его произведений впредь запрещена, причем журнал «Телескоп», где в 1836 г.

Преподавателю на заметку

появилось первое «Философическое письмо» автора, был закрыт. При этом Чаадаеву Николай I припомнил и то, что тот был членом Северного общества декабристов и избежал наказания за это только благодаря своему отъезду еще до восстания из России за границу.

В штате III Отделения первоначально числились в 1827 г. всего 16 сотрудников, а в 1856 – 30, что вызывало у многих чувство настоящего восхищения. Кроме того, в апреле 1827 г. при III Отделении был создан Корпус жандармов численностью сначала в 4,1 тыс., а в 1856 г. – в 6 тыс. человек, ибо речь шла не только о наблюдении за противоправными действиями, но и об их оперативном пресечении. Вся Россия (за исключением Польши, Финляндии, Области Войска Донского и Закавказья) делилась на 5–8 жандармских округов, которыми командовали генералы, а каждый округ – на отделения во главе со штаб-офицерами. Шефом Корпуса жандармов, как и начальником III Отделения, был все тот же Бенкендорф, которого после смерти сменил граф А.Ф. Орлов – сын одного из 5 братьев Орловых, попавших в фавор при Екатерине II за помощь в ее воцарении.

IV, V и VI Отделения императорской канцелярии, возникшие соответственно в 1828, 1835 и 1843 гг., ведали воспитательными и благотворительными учреждениями, подготовкой реформы в государственной деревне и следили за ходом Кавказской войны.

Обращает на себя внимание и тот факт, что Бенкендорф со всей прямоотой не раз предупреждал императора в 1830-х гг., что «весь дух народа» направлен только к одной цели – освобождению, что крепостное право – это пороховой погреб под государством, что войско тоже состоит из крестьян и это может быть использовано «беспоместными дворянами из чиновников», т. е. революционерами. Все эти места в отчетах III Отделения Николай I постоянно брал на заметку, так как Бенкендорф без всякого страха писал ему, что «что-то» с крепостным правом в России делать надо, но что и когда – должен решать сам «хозяин».

Была и еще одна форма подготовки решений императора по наиболее сложным вопросам российской жизни – рассмотрение их в Секретных комитетах с участием самого Николая I или наследника престола, а также наиболее опытных государственных деятелей. Выше уже шла речь о Секретном комитете 6 декабря 1826 года, материалы которого Николай I использовал для выработки своей политической линии в начале царствования. Но особенно часто в дальнейшем император собирал Секретные комитеты по крестьянскому делу, заседавшие в 1828, 1830, 1835, 1839, 1840, 1844, 1846 и 1848 гг.

Между тем Бенкендорф, к которому в III Отделение стекалась подробнейшая информация о всех крестьянских волнениях и открытых антипомещичьих выступлениях, в 1839 г. прямо в годовом отчете своего ведомства императору

Преподавателю на заметку

предупреждал: «Простой народ ныне не тот, что был за 25 лет перед сим. Вообще крепостное состояние есть пороховой погреб под государством, и тем опаснее, что войско составлено из крестьян же». Правда, многого от работы Секретных комитетов с годами уже Николай I не ждал, так как в 1842 г. на заседании Госсовета сам откровенно признал: «Нет сомнения, что крепостное право в нынешнем его положении есть зло для всех ощутительное и очевидное, но прикасаться к нему теперь было бы делом еще более гибельным, и всякий помысел о даровании свободы крепостным людям был бы преступным посягательством на спокойствие государства». В итоге крепостное право в России Николаем I отменено так и не было.

Тем не менее практика созыва Секретных комитетов продолжалась, и император, видимо, хотел периодически получать подтверждения правильности своей стратегической линии, суть которой состояла в том, чтобы главный вопрос о судьбе крепостного права в России не затрагивать, прикрываясь для этого более частными, производными от него вопросами, связанными с некоторым «ремонтом» существующего положения в деревне. Намечен был и ближайший объект реформы – казенная деревня – и исполнитель императорской воли – генерал П.Д. Киселев.

Выбор императора оказался удачен: Киселев был боевым генералом, героем войны 1812 г. и флигель-адъютантом Александра I, которому он еще в 1819 г. представил записку о путях решения крестьянского вопроса в России. Духовно он был тогда близок к декабристам, хотя и не состоял в их революционных организациях. Разгром же декабристского движения сразу отбросил Киселева на сторону власти, и с 1835 г. он уже входил в состав всех Секретных комитетов по крестьянскому вопросу, заслужив от императора Николая I даже шуточный «титул» начальника его штаба по крестьянской части. Поэтому даже решение по предложению министра финансов Е.Ф. Канкринна довольно ограниченной задачи – наведение порядка в одной только государственной деревне с несколькими миллионами крестьян мужского пола, т. е. примерно трети всего податного сельского населения России, имело немалое значение и для всего российского крестьянства, и для бюджета страны, куда поступали подати.

Киселев начал в 1836 г. с ревизии положения государственных крестьян в 5 разных губерниях, по результатам которой Николай I создал в самом конце 1837 г. Министерство государственных имуществ во главе с Киселевым, ставшее попечителем «свободных сельских обывателей» (т. е. государственных крестьян) в масштабе всей России. В задачу задуманной реформы входили: дополнительное наделение таких крестьян землей из государственного земельного фонда или организация в случае необходимости их переселения в другие губернии для

Преподавателю на заметку

«разрядки» сельского населения на старых местах их проживания; упорядочение оброчного обложения государственных крестьян; улучшение приемов земледелия.

Государственные крестьяне не могли не почувствовать, что 200 тыс. совсем безземельных из них получили 1,5 млн десятин земли, более 230 тыс. крестьян были переселены в другие губернии с предоставлением им 2,5 млн десятин земли. Кроме того, малоземельным было прирезано до 3,4 млн десятин, что было достаточно ощутимо. Довольно быстро была создана и новая система управления государственной деревней, вводилось выборное сельское и волостное самоуправление, были созданы судебные «расправы» для разбора мелких крестьянских тяжб. Для опеки над государственными крестьянами в каждой губернии, где они жили, создавались Палаты государственных имуществ. Сохранялась крестьянская община и периодические переделы земли, а оброчная повинность государственных крестьян стала строго соотноситься с реальной доходностью их наделов, так как прежде нередко имевшее место несоответствие размеров надела его доходности и налагаемого оброка сильно возмущали Киселева.

В государственной деревне создавались кредитные кассы для крестьян, выдававшие нуждающимся ссуды на льготных условиях. В деревнях вводилась общественная запашка для создания зерновых резервов на случай неурожая – всего по России их было больше 3 300, но самим крестьянам это не нравилось, как и принудительные посадки картофеля, которые после массовых крестьянских волнений даже пришлось затем отменить. За 20 лет в государственной деревне были созданы 2,4 тыс. сельских приходских училищ, причем по настоянию Киселева открывали училища и для крестьянских девочек. Под присмотром государственных чиновников создавались также образцовые государственные фермы, где крестьяне могли получать новые агрономические навыки. Однако первоначальные надежды Киселева на то, что вслед за успехами указанных преобразований в государственной деревне их начнут распространять и в деревне частновладельческой, не оправдались. Тем не менее Киселев очень ответственно подошел к решению поставленной ему императором задачи, так что его реформаторская деятельность в 1837–1841 гг. была отнюдь не напрасной.

Дополнительно принятые правительством указы об «обязанных крестьянах» (1842 г.), предоставлении помещичьим крестьянам права выкупа при продаже имений их хозяев за долги с публичных торгов (1847 г.), введение так называемых инвентарей в западных губерниях (1847–1848 гг.), где преобладали польские помещики, существенного влияния на положение российского крестьянства, однако, в целом не оказали. Ведь власть помещиков как основного владельца земли оставалась незыблемой, что явно противоречило объективно складывавшейся по всей Европе, кроме России, ситуации в экономике и социальной политике,

Преподавателю на заметку

приобретавшей новый, все более пробуржуазный характер. В России же как раз в 1848 г. последний Секретный комитет по крестьянскому вопросу, наоборот, заявил, что «основанием России было и должно быть самодержавие, а власть помещика как поземельного владельца есть орудие и опора самодержавной власти».

Сам же Николай I как раз в 1848–1849 гг. тоже сделал решительный поворот вправо и в своей внешней политике, и в отношении к левому крылу российской интеллигенции. В 1848 г. он ввел войска в Молдавию и подавил революцию в Валахии, а в 1849 г. российские войска вступили в Венгрию и быстро покончили там с сопротивлением национальных революционных войск. В самом Петербурге в 1848 г. был разгромлен кружок чиновника М.В. Петрашевского – выпускника Царскосельского лицея и вольнослушателя юридического факультета Петербургского университета, у которого собирались в 1845–1848 гг. по пятницам студенты, молодые офицеры, чиновники и литераторы (Ф.М. Достоевский к тому времени был уже автором повестей «Бедные люди» и «Белые ночи»). Их интересовали положение дел в России и других странах, теория социализма, вопросы истории и философии, новые литературные произведения. Учитывая воинственные антиреволюционные настроения Николая I, III Отделение привлекло к следствию по этому делу более 250 человек, хотя кружок посещали не более 20, да и взгляды их не отличались особым радикализмом. Тем не менее 21 человек был приговорен к расстрелу, замененному лишь в самый последний момент каторжными работами. Среди них был и Достоевский, возвратившийся в Петербург только в 1854 г.

В 1845–1847 гг. в Киеве существовала тайная организация – Кирилло-Мефодиевское общество, в котором были и либералы типа сторонника культурно-национальной автономии Украины историка Н.И. Костомарова и писателя, поэта и историка П.А. Кулиша, и знаменитого украинского поэта и художника из бывших крепостных крестьян Т.Г. Шевченко, на 10 лет забритого в солдаты и сблизившегося потом в Петербурге с Н.Г. Чернышевским и Н.А. Добролюбовым. Отношение Николая I к обществу было резко отрицательным и враждебным, особенно к Шевченко.

Очень противоречиво складывалась в те годы биография министра народного просвещения (1832–1848 гг.), крестника Екатерины II и президента Академии наук С.С. Уварова. Сначала он был одним из фаворитов Николая I, завоевав его расположение созданием теории официальной народности как стержня всей идеологии самодержавия (Православие, самодержавие, народность, причем последнее понятие не имело четкого толкования, но зато очень хорошо сопрягалось с понятием «самодержавие»). Сам Уваров рассматривал теорию официальной народности как «последний якорь спасения» для самодержавия и «умственную

Преподавателю на заметку

плотину» против проникновения с Запада и распространения в России «разрушительных идей», которых было очень много – революция, демократия, республиканизм, социализм и т. д. Разумеется, сам Уваров был искренним поклонником самодержавия как идеальной формы правления для такой страны, как Россия.

При этом Уваров как министр был проводником таких полезных для того времени новшеств, как заграничные командировки для молодых русских профессоров, заботился о повышении их заработной платы и др. Характерно, что когда Николай I впал в ярость по поводу европейской революции 1848–1849 гг., то Уваров с большим достоинством вышел в отставку, считая, что гнев императора российские ученые и он сам не заслужили. Показателем того, чего хотел император от Уварова, но что проделал уже его преемник П.А. Ширинский-Шахматов, были ограничение преподавания политэкономии, философии и правовых дисциплин, поощрение занятия богословием, резкое сокращение числа студентов и повышение платы за обучение.

Конечно, Россия тоже постепенно продвигалась к новым, капиталистическим отношениям, но происходило это слишком медленно. Правда, численность ее населения к середине XIX в. выросла примерно с 40 до 70 млн человек, т. е. на 75 %, а промышленность и транспорт достигли гораздо больших успехов, чем сельское хозяйство. В 1854 г. в России было уже 10 тыс. промышленных предприятий и 800 тыс. рабочих, из них 80 % вольнонаемных. Показателем ее успехов стало и начало строительства железных дорог: Царскосельской пассажирской пригородной в 1837 г. и первой большой магистрали Петербург–Москва в 1851 г.

Однако совершенно неожиданно серьезная угроза для николаевской империи пришла в ходе Крымской войны 1853–1856 гг. с участием не только Турции, но и вставших на ее сторону Англии и Франции. Одно дело было для России выиграть в 1826–1829 гг. две локальные войны с Персией и Турцией, от которых зависела, в частности, и ситуация вокруг Черноморских проливов и на Северном Кавказе, где уже много лет активно шла война российских имперских властей с местными нерусскими народами, но совсем по-другому стала складываться ситуация, когда бездарному, по общему признанию, российскому главнокомандующему в Крыму адмиралу князю А.С. Меншикову пришлось воевать против высадившихся на полуострове хорошо вооруженных современным оружием англо-французских войск. Николай I тяжело, как свою личную неудачу (а может быть, и вину) переживал тревожные и неутешительные вести из Крыма. Поздно вечером его одинокую фигуру в военной шинели можно было видеть на ветру на набережной Невы возле Зимнего дворца, где он пытался отвлечься от тревожных мыслей, к которым за четверть века своего правления так и не привык после 14 декабря 1825 г.

Преподавателю на заметку

Николай I умер в разгар этой военной кампании в начале марта 1855 г., причем тогда пошли даже слухи о его самоубийстве, что для крайне религиозно настроенного императора было совершенно невыносимо. Так или иначе, кончать эту странную, бездарно начатую и еще более бездарно проигранную Крымскую войну пришлось уже не Николаю I, а новому российскому императору Александру II.

*4. Время больших реформ и начала политического терроризма
(1860–1870-е годы)*

В середине XIX в. настроения в российском обществе во многом напоминали атмосферу самого начала этого столетия – та же резкая и уже достаточно свободная критика всего и вся («Сверху блеск, внизу гниль», – как говорил видный государственный деятель П.А. Валуев) и те же надежды и ожидания, как всегда связывавшиеся в России с новым царствованием. К чести нового императора Александра II, который почитал отца, но хорошо понимал, что война в Крыму проиграна, к силовому соревнованию с Англией Россия пока не готова и вопроса о том, заключать или не заключать мир после Крымской войны, каковы бы ни были условия врага, просто не существует, так как затягивать это позорное для россиян кровопролитие бессмысленно. Кроме того, новый император считал совершенно неоправданным вновь оттягивать и решение другого кардинального для России вопроса об отмене в стране крепостного права.

На Александра II (1818–1881) многие в России возлагали особые надежды. Его заранее готовили к роли наследника престола, причем поэт-романтик В.А. Жуковский был назначен Николаем I воспитателем цесаревича, чтобы сбалансировать традиционную для молодых Романовых военную подготовку с широким гуманитарным образованием. Александр обучался по широкой программе, рассчитанной на целых 12 лет и включавшей даже изучение польского языка, так как Царство Польское входило в состав России. Среди его учителей были еще Сперанский, многолетний министр финансов А.Ф. Канкрин, историк К.И. Арсеньев и др. Обучение завершилось в 1837 г. поездкой цесаревича по 29 губерниям Европейской и Азиатской России, включая Сибирь и Закавказье, а затем в 1838–1839 гг. – посещением Западной Европы. Николай I привлекал сына Александра к работе высших государственных учреждений, давал возможность командовать гвардейскими и армейскими частями и даже принять участие в Кавказской войне. При этом интересно отметить, что как будущий реформатор-либерал наследник престола проявил себя далеко не сразу, выступая даже, например, против смягчения цензуры печати.

В 23 года Александр женился на немецкой принцессе Марии Гессенской – тихой, болезненной и ничем не примечательной девушке, родившей будущего

Преподавателю на заметку

наследника престола и еще несколько мальчиков, но с 1860 г. заболевшей туберкулезом, что вызвало явное охлаждение мужа.

Ситуация в России резко изменилась после вступления Александра II на престол: он снял ограничения с поездок россиян за границу, разрешил появление ряда новых периодических изданий и др. В своем коронационном манифесте 1856 г. он объявил амнистию декабристам, участникам польского восстания 1830–1831 гг. и другим политическим ссыльным. Уже в марте 1856 г. в речи перед московскими дворянами Александр II заявил о своем твердом намерении освободить крестьян от крепостной зависимости и ввести гласность и свободу книгопечатания. При этом там, где отец – Николай I – явно пасовал перед необходимостью освободить наконец крепостных крестьян, сын был убежден: лучше дать им волю «сверху», чем ждать, когда они сделают это «снизу», т. е. возьмут свободу силой сами.

Известный русский поэт и дипломат Ф.И. Тютчев очень точно назвал начальный период царствования Александра II «оттепелью», ибо это состояние весенней природы напоминало надежды россиян на давно уже ожидавшееся обновление России. Вторым подобным словом-символом наступившей новой эпохи стало слово «гласность», причем чем чаще его вспоминали, тем больше было теперь шансов на успех давно назревших, но многократно откладывавшихся преобразований. Интересно отметить, что и позже эти слова не раз звучали в России, когда вековое терпение ее народов из блага превращалось в величайшее зло.

Варианты освобождения крестьян, гласно обсуждавшиеся даже в печати, были многочисленны и разнообразны. При этом сталкивались как откровенно и ярко социально окрашенные проекты (в абсолютном большинстве в пользу помещиков) и проекты с трезвым анализом разнообразных природных условий в различных районах России, с разной продолжительностью переходного периода от несвободы крестьян к их свободе и далеко не одинаковым количеством земли, которую могли получить крестьяне в новых, во многом еще неясных условиях после отмены крепостного права. При этом чем больше углублялись «проектанты» в детали, тем труднее было привести их мнения к общему знаменателю.

В черноземных губерниях главную ценность представляла земля, и помещики хотели максимально сохранить ее в своих руках, а крестьяне за личную свободу, по их мнению, должны были заплатить небольшой выкуп, но зато вся операция растягивалась на значительный срок. В губерниях нечерноземных ситуация была прямо противоположной: крестьяне могли быстро получить максимум малоплодородной земли при большом выкупе своей личной свободы. В степной полосе, где не хватало рабочих рук, предлагалось на десять лет сохранить барщину. А революционер Н.Г. Чернышевский вообще выступал за освобождение крестьян с

Преподавателю на заметку

землей и без всякого выкупа. Так же думали и те крестьяне, которые не скрывали свой взгляд на предстоящую реформу.

После длительного обсуждения 19 февраля 1861 г. в специальном манифесте император объявил, что крепостные люди получают «в свое время» полные права «свободных обывателей». На два года, получив свободу, бывшие крепостные оставались, однако, «временнообязанными» до перехода на выкуп, причем сроки последнего даже не устанавливались (закончился этот период лишь к концу XIX в.). Все это снижало и до сих пор снижает впечатление от этой важнейшей реформы. С морально-этической точки зрения, она действительно была для России Великой, но с учетом длительных сроков ее подготовки и проведения в полном объеме становятся понятными возражения оппонентов, которые раздаются и до сих пор. Портили впечатление от реформы и «отрезки» в пользу помещиков от «избыточных» (по сравнению с установленными в данной местности высшими нормами) дореформенных крестьянских наделов, а также около 500 тыс. случаев, когда помещики дарили своим крестьянам по их просьбе так называемые «дарственные наделы» в размере лишь четвертой части предусмотренных условиями реформы в данной местности (к этому прибегали в основном крестьяне-бедняки). Все это разрушает «идеальный» образ Великой крестьянской реформы 1861 г., когда правительство думало прежде всего об интересах помещиков, а не крестьян.

Если расположить реформы Александра 11 в хронологическом порядке, то после отмены крепостного права нужно будет поставить университетскую и отмену телесных наказаний (1863 г.), земскую и судебную (1864 г.) и проведенную лишь через 10 лет военную (1874 г.). При этом для крестьян, рядовых военнослужащих, ссыльных и каторжан телесные наказания сохранялись, в области финансов не удалось установить в России золотой стандарт, были отвергнуты предложения о введении подоходного налога, сохранялась подушная подать и вырос государственный долг. Вместе с тем были созданы Госбанк и целая сеть коммерческих акционерных банков, отменена система винных откупов и началась публикация данных о доходах и расходах государства.

Наибольшее впечатление производит судебная реформа, разработанная юристами С.И. Зарудным и др. Она гарантировала всем гражданам «суд скорый, правый и милостивый», хотя старые элементы социального неравенства и следы сословности были сохранены и в этой области. В основу реформы были положены западноевропейские принципы судопроизводства. Уголовный суд должен был стать теперь единым для людей всех званий и сословий, независимым от администрации и гласным, а сам судебный процесс – состязательным (это достигалось участием в нем адвоката и 12 общественных присяжных заседателей, определявших виновность или невиновность подсудимого). Однако в реальной действительности

Преподавателю на заметку

все шло отнюдь не так гладко, как выглядело в этой внешне очень демократичной и разумной схеме: политические дела рассматривались в особом порядке и без участия присяжных, для духовенства и военнослужащих существовали свои закрытые суды, крестьян судил особый волостной суд, а все мелкие проступки и преступления рассматривались избиравшимися в земствах и городских думах мировыми судьями. Кроме того, судебная реформа не распространялась на окраины империи, где было много так называемых «инородцев», плохо знавших (или вообще не знавших) русский язык.

По значимости на третье место можно поставить реформу военную. После 10-летней подготовки военный министр Д.А. Милютин заменил в России в 1874 г. прежнюю ненавистную народу рекрутчину всесословной воинской повинностью. Ее должны были нести все мужчины в возрасте от 21 года до 40 лет. В сухопутной армии служба продолжалась 6, а на флоте – 7 лет с последующим пребыванием солдат и матросов в запасе соответственно 9 лет и 3 года, а затем с переводом в государственное ополчение (видимо, в случае возникновения войн типа Отечественной 1812 г.). Чтобы стимулировать молодежь продолжать образование и вступать в законный брак, устанавливались еще и многочисленные льготы в зависимости от уровня образования призывников и их семейного положения (наличие высшего образования позволяло вообще служить только полгода). Значительно улучшился и качественный состав офицерского корпуса. Вместо большой даже в мирное время численности армии в России появилась возможность быстро увеличивать ее состав с началом военных действий за счет резервистов и ополчения, а в мирное время иметь сравнительно небольшое количество военнослужащих. За счет реформы военного образования улучшался и качественный состав офицерского корпуса.

Очень важна была и реформа всех звеньев российского образования. В 1863 г. был принят самый либеральный за все время существования Российской империи университетский устав. Каждый из 4 университетов (Петербург, Москва, Харьков, Киев) должен был иметь четыре факультета (медицинский, физико-математический, юридический и историко-филологический); их профессора и преподаватели избирались; обучение было платным; в университетах была собственная цензура, а проступки студентов рассматривались особым университетским судом.

Начальная школа (2–4 класса) была теперь земской, казенной (в ведении министерства народного просвещения), церковно-приходской (в ведении Синода) и частной. Мужские гимназии в городах были всесословными и семиклассными, причем после их успешного окончания гимназисты могли без экзаменов поступать в университеты. Начало складываться в России и женское образование. Появились женские училища (потом это были уже гимназии) и высшие женские курсы, а

Преподавателю на заметку

поскольку государственные университеты были для девушек по-прежнему закрыты, они нередко получали высшее образование за границей.

В 1865 г. начал действовать и новый цензурный устав, освободивший от предварительной цензуры петербургскую и московскую периодическую печать, а также большинство книг, что, впрочем, не исключало судебной ответственности их авторов и редакторов, если затем в уже вышедших из печати книгах обнаруживались какие-либо политические «ошибки», а точнее сознательные попытки издателей и авторов прорваться через надзор слишком бдительных читателей, а главное – самих властей.

Гораздо более сложное впечатление складывалось от земской реформы. Создание земств (а с 1870-х годов и городских самоуправлений) можно было только приветствовать для активизации общественного мнения и социальной активности как помещиков, так и крестьян в масштабе каждой губернии и каждого уезда. Обсуждение проекта реформы шло несколько лет, причем в 1862 г. он даже предварительно публиковался в печати. Согласно закону 1864 г. основополагающими принципами земской реформы были выборность и гласность. Раз в три года избирались публично земские собрания и их распорядительные органы – земские управы, создававшиеся на губернском и уездных уровнях на основе состязательных выборов по трем куриям. В первую входили местные помещики, имевшие не менее 200 десятин земли или крупную недвижимость, во вторую – гильдейские купцы и в третью – все крестьяне, имевшие свой двор, причем в последней кандидаты проходили тройное «сито» и от помещиков избиралось столько же гласных, сколько и от двух других курий вместе взятых.

В компетенцию земств входили благоустройство городов и сел, народное просвещение и здравоохранение, социальное призрение, страхование и установление сборов на текущие и особые нужды. Земства ведали местной торговлей и промышленностью, дорогами и мостами, постройкой церквей, тюрем и т. д.

Нетрудно заметить, что интересы различных социальных и имущественных групп сельского и городского населения далеко не совпадали. При этом особенно внимательно центральные и местные власти следили за земскими служащими (так называемым «третьим элементом», поскольку первыми двумя были земские гласные и члены губернских и уездных управ). Служащие (врачи, учителя, ветеринары, статистики) составляли в земствах их наиболее многочисленное демократическое крыло и больше всего сделали для крестьянского населения тех средне- и слабо развитых 34 великорусских губерний, где преобладало русское дворянство. Сибирь и национальные районы империи в их число не входили. Там же, где земства были созданы, в губернских управах было около 90 % дворян и только 1,5 % крестьян.

Преподавателю на заметку

Поэтому любые политические инициативы земств в первые десятилетия их существования пресекались. И тем не менее создание земств при всем несовершенстве их структуры было очень важно и нужно России, если подходить к этому с позиций дальнейших перспектив интеграции ее населения в современное буржуазное общество.

В апреле 1877 г. Россия объявила очередную войну Турции, стараясь на этот раз разыграть сербскую антитурецкую карту, поскольку турки расправились с двумя восстаниями против них в Болгарии, чем вызвали огромное сочувствие европейской интеллигенции, в том числе и русской (И.С. Тургенев и др.). Российская армия, в которой был и Александр II, хотя главнокомандующим стал его брат Николай Николаевич, доказала, что успешно может действовать в условиях горной местности даже в зимний период. В январе 1878 г. она могла бы уже взять Константинополь, но когда в Проливы вошла эскадра британских броненосцев, стало ясно, что возможна новая англо-русская война, и Россия отступила. В феврале после 10 месяцев военных действий ею был заключен Сан-Стефанский мир с Турцией. Сербия и Черногория получили независимость, а Болгария, Босния и Герцеговина – автономию в пределах Турецкой империи с христианским правительством. России же возвращались Южная Бесарабия, 4 крепости на Кавказе и контрибуция в размере 310 млн руб. Однако на Берлинском конгрессе летом 1878 г. прежние условия окончания войны были пересмотрены, и идея единой, совершенно независимой от Турции Болгарии была фактически похоронена. Ее разделили на две части и ограничились их автономией в пределах Турции (они соединились только в 1885 г.), влияние России на Балканах и в Болгарии стало падать и в 1886–1896 гг. русско-болгарские отношения были даже временно разорваны.

При этом нужно напомнить, что в 1877 г. экономическое положение России находилось далеко не в лучшем состоянии, но Александр II тем не менее не отказался тогда от объявления войны Турции во имя идеи славянского единства, но был обманут правительствами Англии, Германии и Австро-Венгрии, еще раз убедившись (второй раз после Крымской войны), что его западные партнеры зорко стоят на страже своих, сугубо корыстных интересов. И хотя в 1879 г. Александру II удалось провести кандидатуру офицера германской армии и его племянника по линии жены Александра Баттенберга на роль болгарского князя, верным союзником России тот не стал (свергли его болгарские офицеры только в 1886 г.).

Но были в жизни Александра II и такие сугубо личные, казалось бы, стороны, имевшие, однако, уже прямое отношение к его дальнейшей судьбе, жизни и смерти. Напомним, что 47-летний Александр II страстно влюбился в 1865 г. на всю оставшуюся жизнь в 18-летнюю княжну Екатерину Долгорукую и создал с ней в Зимнем дворце фактически вторую семью, в которой у него было от нее четверо

Преподавателю на заметку

детей. После смерти в 1880 г. долго болевшей туберкулезом жены императрицы Марии Александровны он быстро женился морганатическим браком на светлейшей княгине Е.М. Юрьевской (так по его воле стала именоваться Долгорукая по допетровской фамилии Романовых), собираясь в дальнейшем официально обвенчаться с ней и провозгласить ее императрицей Екатериной III. Лишь события 1 марта 1881 г., когда народовольцы смертельно ранили Александра II, помешали совершиться этому скандальному акту, против которого были все члены династии Романовых, включая нового будущего императора Александра III, которого мог бы даже отодвинуть в сторону его сводный брат и новый великий князь Георгий Юрьевский. Поэтому Е.М. Юрьевская с детьми покинула Россию с несколькими миллионами рублей на беззаботное «прожитие» за рубежом, так как иного выхода из этой ситуации уже не было.

Но наибольший сюрприз преподнесла Александру II под конец его жизни поистине фантастическая эволюция в 1870-е годы его отношений с радикальной частью российской образованной молодежи, быстро воспринявшей западноевропейские идеи революционного терроризма как наиболее эффективного средства политической борьбы за социальную справедливость и политическую свободу. В России из нее сложилась в 1879 г. численно небольшая, но смелая и наделавшая много политического шума организация «Народная воля». В ее Исполнительный комитет входили профессиональные революционеры, причем не только мужчины, но и женщины – А.Д. Михайлов, А.И. Желябов, С.Л. Перовская, В.Н. Фигнер, Н.А. Морозов, рабочий С.Н. Халтурин, Л.А. Тихомиров (изменивший вскоре свои взгляды на прямо противоположные), М.Н. Ошанина и др. Выпускала «Народная воля» с перерывами, объяснявшимися преследованиями полиции, с октября 1879 по октябрь 1885 г. одноименную газету или вместо нее «Листок Народной воли».

В августе 1879 г. Исполком «Народной воли» вынес Александру II смертный приговор, после чего эта организация развернула настоящую «охоту» на императора, которого презрительно и незаслуженно называли тогда «Сашкой». 19 ноября под Москвой был взорван царский поезд, но Александра II в нем не оказалось, а 5 февраля 1880 г. прогремел мощный взрыв в Зимнем дворце в Петербурге. Рабочий Степан Халтурин поступил туда работать столяром, тайно долго проносил мимо охраны взрывчатку и 5 февраля 1880 г. осуществил в дворцовой столовой мощный взрыв, в результате которого 11 человек были убиты и 40 ни в чем не повинных солдат-охранников ранены, но самого императора в тот момент в зале еще не было.

Тем не менее резонанс от этого события и в России, и за границей был огромен. Александр II очень быстро пошел на создание в стране «Верховной

Преподавателю на заметку

распорядительной комиссии по охране государственного порядка и общественного спокойствия» во главе с боевым генералом М.Т. Лорис-Меликовым, с 1 августа 1880 г. занявшим пост министра внутренних дел, который был тогда равнозначен премьерскому, и ставшим вторым лицом в государстве после императора. Его Комиссия просуществовала лишь до 1 мая 1880 г., но пришла к выводу о необходимости создать при Госсовете комиссию в составе 10–15 выборных от земств и городов с правом совещательного голоса при обсуждении предлагаемых императором законопроектов по совершенствованию управления страной. Это предложение и получило претенциозное название «конституции Лорис-Меликова». Намечались им и более частные мероприятия, оставшиеся в основном на уровне проектов. Правда, предложенная им ликвидация III Отделения императорской Канцелярии, функции которого передавались МВД, была все же в 1880 г. осуществлена.

Лорис-Меликов относил себя к людям «благомыслящим» и призывал население столицы объединить собственные усилия с усилиями власти в борьбе с терроризмом, завоевав своему правлению как главы МВД неофициальное название «диктатуры сердца». Накануне последнего покушения на Александра II тот готовился обсуждать вопрос о создании двух подготовительных комиссий – административно-хозяйственной и финансовой, чтобы попробовать, как пойдут дела с участием правительственных чиновников и «сведущих людей» из дворянства и земцев. Император эту идею своего нового любимца одобрил, но считал нужным ее предварительно обсудить в Совете министров. Но состоялось это обсуждение уже при следующем императоре – Александре III, о чем речь пойдет ниже.

Дело в том, что 1 марта 1881 г., когда еще утром Александр II сообщил наследнику и другим великим князьям, что скоро в России будет конституция, император был смертельно ранен после взрывов двух бомб, которые бросили в него на Екатерининском канале в Петербурге народовольцы во главе с Перовской. Ответственность за это несла частично и небрежно организованная охрана императора. Он умер в тот же день в Зимнем дворце, а все «первомартовцы» (участники покушения) были очень скоро казнены. Исполком «Народной воли» обращался с письмом к следующему уже императору Александру III с условиями, на которых народовольцы готовы были прекратить террор: созыв представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной русской жизни, общая амнистия по политическим преступлениям, всеобщее избирательное право, свобода слова, печати, сходок. Письмо осталось, однако, без ответа, а «Народная воля» в 1884 г. прекратила свое существование из-за арестов и провокаций.

Преподавателю на заметку

Так закончилась в России эпоха реформ 1860–1870-х гг., показавшая их сильные и слабые стороны, в частности недостаточность индивидуального политического террора для радикального переворота в общественно-политической жизни России. Александр II во многом продвинул вперед дело ее перестройки с учетом активного продвижения страны по пути капитализма, но теперь было уже очевидно, что одних только реформ и революционного террора в России было явно недостаточно, причем к подобному варианту обновления страны не были готовы ни власть, ни общество, ни его «низы».

5. Мирная «передышка» России в конце XIX – начале XX века

Если учесть, что 1 марта 1881 г. Россия, исключая самих террористов, как будто оцепенела от ужаса, вызванного убийством Александра II и ожиданием новых терактов, тем более что 80 лет в ней не было ничего подобного, то все последующее недолгое правление Александра III (1881–1894) совершенно неожиданно хотя бы на короткое время принесло России некоторое успокоение.

Над образованием и воспитанием Александра (1845–1894) тоже трудилась целая бригада высокообразованных наставников, среди которых были историк С.М. Соловьев (великий князь любил занятия с ним, неплохо знал его предмет), соученик Пушкина в Царскосельском лицее, а потом директор Публичной библиотеки в Петербурге Модест Корф, профессор Московского университета правовед К.П. Победоносцев. Последний вложил в ученика мощный заряд уважения к русскому самодержавию и Православию, быстро распростившись со своим либерализмом 1860-х годов и став безоговорочным консерватором.

Сначала у Александра II был другой наследник – старший сын Николай (в семье его звали Никсом), но совершенно неожиданно для абсолютного большинства россиян 22-летний цесаревич скончался в 1865 г. от туберкулезного менингита в Ницце (Франция). Для него уже была даже выбрана достойная невеста – датская принцесса Дагмар. Но через год после смерти Никса его младший брат Александр (будущий Александр III) сделал предложение Дагмар, чему был бы рад и Николай, оно было принято, и возникла одна из счастливейших в династии Романовых новая императорская семья. Дагмар в Православии стала называться Марией Федоровной, она пережила и мужа, и сына Николая II, выбралась после Октябрьской революции в 1919 г. из Крыма в Данию и прожила там до 1928 г., оставив о себе в России хорошую память.

Таким образом, вопрос о престолонаследии был в России вновь счастливо решен, причем в распоряжении будущего Александра III оказалось после свадьбы в запасе еще больше 15 лет для подготовки к принятию императорского сана, включая даже участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. За это он был награжден

Преподавателю на заметку

Георгием 2-й степени и получил небольшой опыт работы в высших государственных учреждениях России.

Наследник престола не одобрял равнодушное отношение отца к его матери и наличие у него второй семьи, принципиально отрицал необходимость в России революций и «избыток» еще не «переваренных» страной в 1860–1870-е годы реформ и их слишком радикальный характер, не говоря уже о ненужности в России любой конституции. По его мнению, Александр II слишком распустил народ и особенно интеллигенцию и студенчество, которые явно нужно было бы «приструнить».

Будущий новый император был физически здоровым, очень сильным и скромным в быту человеком. Уже став императором, он во время железнодорожной катастрофы в 1888 г. с императорским поездом, произошедшей из-за превышения его скорости, долгое время держал на плечах крышу целого вагона, пока его семья и другие пострадавшие выбирались из-под обломков, что, вероятнее всего, и послужило позже причиной его смертельной болезни (умер он в возрасте всего 45 лет). Тогда же во время этой железнодорожной катастрофы погиб 21 человек.

Был Александр III и неплохим ценителем искусства, сам собирал картины русских художников, любил музыку, балет, материально помогал П.И. Чайковскому. Он участвовал в создании Русского музея императора Александра III в Петербурге, передав ему и личную коллекцию картин, а также активно участвовал в создании Исторического музея на Красной площади в Москве. Любимым его поэтом был М.Ю. Лермонтов – случай в императорской семье довольно редкий.

Новый император не блистал остроумием и интеллектом, но зато был тверд в своих убеждениях, решителен и последователен в поступках. В общем и целом это был не злой человек, в царствование которого в России были казнены всего 17 человек, включая революционеров. К этим последним Александр III, как и все Романовы, был беспощаден. Напомним, что в 1887 г. были казнены Александр Ульянов и его товарищи, готовившие покушение на императора. Не будем забывать, что это во многом предопределило и выбор жизненного пути младшим братом Ульянова Владимиром, ставшим позже всемирно известным Лениным.

Александр III по-настоящему показал себя как монарх уже 8 марта 1881 г. во время обсуждения на заседании Совета министров программы дальнейших действий Лорис-Меликова. Говоря проще, новый император и его уже сложившаяся новая команда хотели коллективно решить, что делать с этим претендентом в диктаторы, который самому Александру III при всей умеренности и расплывчатости его программы явно не нравился.

Главным контроктором на этом заседании правительства был Победоносцев, которого еще в 1880 г. Александр II назначил (как оказалось на целых 25 лет)

Преподавателю на заметку

обер-прокурором Св. Синода. Его кредо – антиконституционализм и критика «либеральных болтунов». Решение о судьбе Лорис-Меликова 9 марта еще не принималось, и ему даже дали возможность еще раз изложить свою программу, что он и сделал 12 апреля 1881 г., сохранив в целом свои старые позиции. Александр III тоже твердо стоял на своем, пообещав Победоносцеву не допустить осуществления программы Лориса, хотя ее обсуждение еще продолжалось. Наконец 29 апреля Александр III выпустил написанный Победоносцевым манифест к населению, получивший в обществе название манифеста «об охране самодержавия». Из него стало ясно: самодержавие в России с твердой верой в его «силу и истину» будет сохранено, после чего Лорис-Мелков подал прошение об отставке.

Новым главой МВД после Лорис-Меликова стал человек довольно консервативных взглядов, бывший дипломат Н.П. Игнатьев. При нем было принято «Положение о мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия», просуществовавшее вместо объявленных 3 лет вплоть до 1917 г. Оно предусматривало возможность объявления любого района империи на положении усиленной или чрезвычайной охраны, что давало местным властям право без суда преследовать всех подозрительных лиц, закрывать печатные органы и учебные заведения, приостанавливать работу земских собраний и городских дум. В том же духе был выдержан и университетский устав 1884 г. (инициатором его введения был ультраконсерватор М.Н. Катков), уничтоживший практически все прежние «вольности» профессорско-преподавательского состава. В пять раз была повышена плата за обучение, а от абитуриентов стали требовать предоставления характеристики из гимназии, удостоверяющей их политическую благонадежность. Начальная же школа была отдана под полный контроль Церкви. Появился в 1887 г. при министре народного просвещения И.Д. Делянове и его знаменитый циркуляр с фигуральным названием циркуляра о «кухаркиных детях», запретивший принимать в гимназию детей из низших социальных слоев. Настоял министр и на закрытии большинства высших женских курсов. Вновь была ужесточена и цензура. Однако в целом ситуация в стране оставалась все же противоречивой и неустойчивой.

К началу 80-х гг. XIX в. основная промышленная продукция в России производилась уже на фабриках и заводах с использованием машин и механизмов, приводимых в движение силой пара. В эксплуатацию в 80–90-е годы XIX в. были введены 10,5 тыс. км казенных железных дорог, строительство которых было обусловлено в первую очередь военно-стратегическими соображениями. Таким образом, капитализм делал в России все новые и новые успехи, причем в железнодорожном строительстве был взят курс на огосударствление этого важного нового вида транспорта, так что к 1894 г. в казенном управлении находилось уже 52 % всех железных дорог страны.

Преподавателю на заметку

При министре финансов Н.Х. Бунге удалось увеличить доходную часть госбюджета и добиться превышения в нем доходов над расходами. А еще раньше при министре финансов миллионере И.А. Вышнеградском был создан в России золотой запас в размере 500 млн руб. Характерно, что перед его назначением министром финансов в 1887 г. (тот был до этого профессором столичного Технологического института) император лично распорядился оставить его финансовые «проделки» без внимания. Характерно, что именно Вышнеградскому, когда в 1891–1892 гг. в России был сильный голод, принадлежит ставшая исторической циничная фраза: «Не доедим, а вывезем».

При Александре III на российском политическом небосклоне возшла звезда такого крупного деятеля новой формации, как Сергей Юльевич Витте (1849–1915). Он имел в своей родословной голландские (по отцу) и древнерусские (по матери) корни, причем мать происходила из знатного рода князей Долгоруких. Отец же Витте был чиновником в канцелярии царского наместника на Кавказе. Получив хорошее домашнее образование, Сергей Юльевич закончил затем в 1870 г. физико-математическое отделение Новороссийского университета в Одессе. Отказавшись по настоянию родных от непрестижной, по их мнению, профессорской карьеры, он поставил своего рода эксперимент в духе эпохи раннего российского капитализма и стал совмещать государственную службу со службой сначала на казенной, а потом на частной железной дороге. При этом Витте показал себя хорошим управленцем и специалистом в области железнодорожных тарифов. В 1887 г., когда царский поезд, направлявшийся из Крыма в Петербург, потерпел крушение у станции Борки Харьковской губ., Витте, заранее предупреждавший о необходимости строго соблюдать скоростной режим его движения, попал в поле зрения Александра III и в 1889 г. был приглашен им на государственную службу в столицу. С тех пор этот монарх стал для Витте идеалом императора, тогда как Николай II, наоборот, всегда раздражал его своим безволием и нерешительностью (тот же, в свою очередь, не любил своего министра за явное превосходство при решении всех деловых вопросов).

В 1892–1903 гг. Витте как новый министр финансов последовательно проводил политику индустриализации России, укрепления финансовой системы (введение в 1894 г. государственной винной монополии, а в 1897 г. – золотого червонца), интенсивного железнодорожного строительства и выкупа в казну частных железных дорог. В итоге из противника капитализма, каким Витте был в начале своей карьеры, он превратился в его искреннего апологета и пропагандиста, делая это во имя укрепления самодержавия. Однако наиболее драматичный период в его жизни и деятельности пришелся уже на начало 1900-х годов, о чем будет рассказано ниже.

Преподавателю на заметку

Сложнее было положение в сельском хозяйстве. Разорительные последствия войны 1877–1878 гг. с Турцией, неурожаем и голодом 1878–1880 гг., а также мировой экономической кризис конца 1870-х гг., захвативший и Россию, потребовали от правительства принятия ряда мер, призванных облегчить положение крестьянства, так как число волнений в деревне 1880–1884 гг. вдвое превышало показатели предшествовавшего пятилетия. В 1882–1887 гг. была отменена подушная подать, несколько понизились выкупные платежи, были созданы в 1882–1883 гг. Крестьянский и Дворянский банки, окончился период временнообязанных отношений крестьян с помещиками, что способствовало некоторому смягчению социальной напряженности в деревне.

Продворянский характер социально-экономического курса Александра III отчетливо виден на примере щедрых субсидий помещикам из Дворянского банка под залог их земель, превысивших к концу XIX в. 1 млрд руб. В 1890 г. был введен новый в России институт земских начальников из местных потомственных дворян вдобавок с определенным имущественным и образовательным цензом. Они должны были следить за поведением участников сельских крестьянских сходов и деятельностью волостных учреждений вплоть до отмены их решений, подвергать крестьян телесным наказаниям, арестам и штрафам, причем обжалованию их решения не подлежали. Дворяне преобладали в губернских земских собраниях и управах, за этим следил лично губернатор.

От участия в городском самоуправлении в 1892 г. были устранены все «низы» горожан, причем в выборах участвовал лишь незначительный их процент (в Петербурге и Москве менее 1%), что противоречило бурному процессу урбанизации, развернувшемуся в конце XIX в. Были отстранены от выборов прислуга и мелкие торговцы. Шел, хотя и в ограниченных размерах, и процесс «обрусения» окраин – Привисленского края (Польша), Великого княжества финляндского и Прибалтики.

В промышленности было ограничено применение детского и женского труда, а также введены расчетные книжки для рабочих и введена фабричная инспекция, регламентировавшая, в частности, взимание штрафов с рабочих. Эти меры были вызваны не только «попечением» власти о нуждах простого народа, но и усилением рабочего движения (Морозовская стачка в Орехово-Зуеве в 1885 г. и др.). Сложнее обстояло дело с решением в России еврейского вопроса. Последствия введения «черты оседлости» не распространялись на: 1) купцов 1-й гильдии, что в значительной мере обеспечивало развитие торговли, 2) лиц с высшим образованием, 3) ремесленников (тем самым обеспечивалось развитие мелкой кустарной промышленности) и 4) солдат. В 1882 г. даже в «черте оседлости» евреям было запрещено селиться вне городов и местечек, а также приобретать и брать в

Преподавателю на заметку

аренду недвижимое имущество. В 1887 г. была введена процентная норма приема евреев в высшие и средние учебные заведения (3 % в столице и 5 % вне черты оседлости), а в 1889 г. приостановлен прием евреев на должность присяжного поверенного.

Тем не менее во внутренней политике Александра III тоже были свои противоречия, как и в настроениях российского общества в целом. После романтических и поистине драматических перипетий царствования Александра II с его бурным реформаторством, пароксизмом революционаризма и терроризма народофильства, оживлением славянофильства и неоконституционализма (Лорис-Меликов) и т. д. настроения в российском обществе невозможно было, тем более сразу, привести к одному знаменателю. В «верхах» общества были настроения как в пользу определенных «контрреформ» в противовес реформам царя-«Освободителя», как называли Александра II, так и продолжения уступок «духу времени», заданному еще в 1860-е гг. Да и в самом правительстве тоже были колебания и разногласия, связанные, с одной стороны, с желанием укрепить несколько пошатнувшееся к концу царствования Александра II самодержавие, так и с желанием развивать капиталистическую экономику страны, идти на определенные уступки крестьянам и рабочим и завершить реформы в вооруженных силах. В итоге нового «апогея самодержавия» у Александра III так и не получилось. Верх взяла все же политика лавирования между старым и новым.

Нельзя не упомянуть еще два неоднозначных, но по-своему очень важных событий в царствование Александра III – голод 1891–1892 гг., вызвавший большой общественный резонанс и стремление демократической и либеральной интеллигенции помочь особенно страдавшему от него крестьянскому населению Поволжья, а также рождение в начале 1880-х гг. в Швейцарии в среде бывших народников-эмигрантов русского марксизма, оказавшего затем в 1900–1920 гг. огромное влияние на ход отечественной и мировой истории. Большую роль в этом процессе сыграли Г.В. Плеханов и возникшая в 1883 г. в Швейцарии его группа «Освобождение труда», а затем возникшая на рубеже XIX–XX вв. Российская социал-демократическая рабочая партия.

Позиции России на международной арене были в 1880–1890-х гг. как никогда прочны и соответствовали статусу страны как великой мировой державы. Характерно, что Александр III не вел ни одной войны и даже мог позволить себе внешнеполитическую переориентацию России с бисмарковской Германии на республиканскую Францию, полагая, что она больше соответствует национальным интересам его родины. Эту важную акцию можно целиком отнести на личный счет российского императора, который не слишком доверял западным партнерам России. Когда же началось постепенное охлаждение русско-германских отношений, он

Преподавателю на заметку

решил в 1893 г. сблизиться с Францией, «забыв» о глубоко чуждых ему Великой французской революции, Парижской коммуне и Французской республике. Это значит, что Александр III мог быть и неплохим дипломатом. Таким образом, именно при его непосредственном участии в Европе в 1891–1893 гг. стали складываться международные комбинации, проявившиеся в полной мере в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг.

Когда в октябре 1894 г. в Ливадии безвременно умер Александр III, его преемником стал старший сын 26-летний Николай II (1868–1918). Во время Февральской революции 1917 г. он вынужден был отречься от престола, в июле 1918 г. расстрелян без суда вместе со всей семьей в Екатеринбурге, причем в 2000 г. уже в постсоветской России они были канонизированы Русской Православной церковью.

Ники, как звали его с детства родные, отличался ровным, спокойным, хотя и довольно скрытным характером, внешней невозмутимостью, которую легко было принять и за равнодушие, и отсутствием как явных недостатков, так и больших способностей. Будущий император был довольно хорошо физически развит, играл на фортепьяно и скрипке, знал 4 иностранных языка, но в то же время по романовской традиции любил заниматься военным делом и в 1892 г. был уже полковником. Среди его наставников были министр финансов отца Н.Х. Бунге и министр иностранных дел Н.К. Гирс, а также известный нам Победоносцев. «Я не подготовлен быть царем. Я не могу управлять империей. Я даже не знаю, как разговаривать с министрами», – читаем мы, однако, в дневнике Николая II. При этом, сделав в анкете Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. в графе «род занятий» ко многому обязывающую запись: «Хозяин земли Русской», Николай явно польстил себе, так как качествами «хозяина» он как раз ни тогда, ни позже и не обладал.

В отличие от отца, Николай II уже с момента своей свадьбы в 1894 г. находился под сильным влиянием жены Алисы Гессенской, а в Православии – Александры Федоровны: по рождению она была немкой, а по воспитанию – англичанкой, так как приходилась внучкой королеве Виктории и воспитывалась при английском королевском дворе. Она самонадеянно считала, что ее ум более приспособлен для занятий политикой, чем ум мужа, и чем дальше, тем чаще убеждала мужа быть сильным и непреклонным, опасаясь, что иначе министры типа Витте, а позже Столыпина подчинят его себе и сумеют «заслонить» собой в общественном мнении. Император и императрица очень любили друг друга, и Николай ради молодой жены даже еще до свадьбы прекратил свою прежнюю связь с балериной Мариинского театра полькой по национальности Матильдой Кшесинской, с помощью которой родители хотели сделать из сына «настоящего мужчину». Начиная же с 1904 г., когда

Преподавателю на заметку

после появления у супругов на свет четырех девочек подряд родился, наконец, долгожданный наследник престола Алексей, больной с рождения неизлечимой болезнью крови гемофилией, жизнь его родителей превратилась в настоящую трагедию. Это объясняет, в частности, и появление при Дворе с 1905 г. сибирского крестьянина, малограмотного Григория Распутина, который благодаря своим экстрасенсорным качествам мог облегчать страдания их сына, оказывая огромное влияние на императорскую чету и сильно компрометируя ее этим в общественном мнении. Настоящих друзей у Николая II не было, если не считать жены.

Как известно, Николай II впервые проявил себя как политик уже в январе 1895 г., публично назвав «бессмысленными мечтаниями» надежды либералов на их участие в управлении страной. При этом он добавил, что будет охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял их его «незабвенный родитель». Естественно, консерваторы с восторгом приняли это заявление молодого монарха, тогда как либералы, наоборот, назвали его речь глубоко их разочаровавшей. Победоносцев же и его единомышленники с удовлетворением могли весьма положительно оценить дебют Николая II перед всей страной, когда он убедительно продемонстрировал свой глубинный, завещанный отцом антиконституционализм. И такой диапазон в оценках этой речи Николая II был вполне естественен и даже закономерен. В глазах же простого народа своего рода символом только что начавшегося правления нового императора стала Ходынка – московское поле за чертой города, где в мае 1896 г. по случаю коронации Николая II во время раздачи подарков тем, кто пришел туда, чтобы выразить радость по случаю начала нового царствования, в ходе возникшей давки погибли по официальным данным 1 389 человек, а еще сотни людей были искалечены. При этом Николай II, взявший себе за правило никогда не терять самообладания, в тот же вечер участвовал в приеме у французского посла, хотя и принял втайне все случившееся за дурное предзнаменование, но решил и дальше искусно скрывать свои истинные чувства.

Будучи наследником престола, Николай II был избавлен любящим отцом от необходимости глубоко вникать в проблемы государственного управления, поскольку тот справлялся с ними сам вместе со своими ведущими министрами. Теперь же особо интересующая нас проблема модернизации и европеизации России потребовала от его сына хотя бы в самых общих чертах разбираться и в серьезных социально-экономических проблемах, включая вопросы налогообложения, составления госбюджета, иностранных займов, железнодорожного строительства, общинного строя крестьянства, политики власти по новому для нее «рабочему вопросу» и т. д. Причем здесь Александр III был часто хорошим прагматиком, прекрасно понимающим интересы вверенного его попечению самим Богом

Преподавателю на заметку

Государства Российского. Над всеми этими вопросами работали при Александре III такие светлые умы, как Рейтерн, Бунге, Вышнеградский и любимец императора Витте, отношение к которому Александра III было весьма положительным, а Витте, в свою очередь, считал его идеальным монархом.

В 1894 г. Витте ввел в России винную государственную монополию – эту своего рода «палочку-выручалочку» для любого министра финансов, испытывающего затруднения при составлении очередного госбюджета. Значение для государства подобной меры нашло отражение в бытовом названии виттевского госбюджета в России «пьяным», причем винная монополия не способствовала снижению пьянства в стране.

Еще одним массовым источником госбюджета стал ежегодный промысловый налог с фабрично-заводских заведений, ремесленных предприятий и торговых заведений при покупке их хозяевами промысловых свидетельств. За время пребывания Витте на посту министра финансов в 1892–1903 гг. госбюджет России вырос до более чем 2 млрд руб. против около 1 млрд руб. в 1892 г.

Довел Витте до конца и инициативу своего предшественника Вышнеградского по свободному обмену бумажных денег на золото, что способствовало стабилизации финансов и накоплению золотой валюты. Наконец в 1897 г. указом императора была объявлена денежная реформа, понизившая на треть золотое содержание рубля и вес золотого рубля, а кредитный рубль приравнивался к 66 и $\frac{2}{3}$ коп. золотом. Это была скрытая девальвация рубля, не вызвавшая существенного изменения товарных цен и недовольства населения. Денежная реформа поставила Россию в один ряд с развитыми европейскими странами. В 1899 г. иностранные капиталы были допущены и к участию в развитии отечественной обрабатывающей промышленности, что означало новый шаг к сближению с иностранным капиталом.

Витте активно проводил и целенаправленную государственную железнодорожную политику, включавшую в себя: строительство железных дорог в азиатской части России (Транссибирская магистраль) и дорог, имевших военно-стратегическое значение, а также выкуп в казну частных магистралей и монополизацию государством выработки железнодорожных тарифов. Всего при Витте было построено 25 тыс. верст железнодорожного полотна. Важное значение имела и его политика протекционизма по отношению к отечественной промышленности (высокие таможенные пошлины, щедрая господдержка ряда промышленных предприятий, размещение госзаказов на отечественных заводах и т. д.). По инициативе Витте были открыты в России почти 150 коммерческих училищ и 3 коммерческих института, проводились промышленные выставки.

В 1897 г. был законодательно установлен 11 $\frac{1}{2}$ -часовой рабочий день (накануне праздников и ночью 10-часовой) в промышленности, подчиненной

Преподавателю на заметку

надзору фабричной инспекции, т. к. «рабочий вопрос» в целом и активизация стачечного протеста пролетариата против своего тяжелого экономического и правового положения, а также тяжелейшие условия использования предпринимателями рабочей силы на их предприятиях уже требовали от власти вмешательства во взаимоотношения этих двух классов. Как дальновидный политик Витте понимал: медлить с этим уже нельзя. Поэтому он был готов узаконить экономические стачки и создание профсоюзов, а также ввести страхование рабочих от несчастных случаев и последствий болезней. Но осуществить это ему тогда не удалось.

На рубеже XIX–XX вв. очень недовольны своим положением были и помещики, и тем более крестьяне. Первые настойчиво требовали от правительства снижения процентов по ссудам Дворянского банка, повышения хлебных цен, расширения казенных закупок зерна, строительства элеваторов и т. д. Крестьянство же до 1902 г. еще не переходило к открытым выступлениям против помещиков и власти, и их интересы защищала неонародническая интеллигенция и, в частности, журнал «Русское богатство» во главе с его главным редактором Н.К. Михайловским. Но едва ли не больше всего беспокоила власть «домашняя ссора» внутри правительственного лагеря между сторонниками крестьянской общины из МВД и позицией Витте и нового поколения российской бюрократии, выступавших за радикальную смену самого подхода к этой проблеме.

Витте по западному образцу поддерживал идеи частной собственности на землю и предоставления крестьянам свободы частной инициативы и свободной конкуренции как с помещиками, так и особенно между собой, рассчитывая на то, что наиболее сильные из деревенской верхушки выведут и аграрный сектор, и всю страну в целом из состояния затяжного кризиса и застоя. Поэтому он не мог не поднять перед императором, российской бюрократией, интеллигенцией и самим поместным дворянством кардинальные вопросы о собственности крестьян на землю, судьбе крестьянской общины, месте российской деревни в сельскохозяйственном производстве страны и перспективах дальнейшего развития этого самого крупного в России социального слоя, во многом определяющего и лицо всей страны в мире.

Но было бы, наверное, странно, если бы курс Витте не имел тогда альтернативы, основанной в лучшем случае на варианте постепенного улучшения экономической, политической и общекультурной ситуации в России при обязательном сохранении основ существующего самодержавного строя и поддержки властью позиций дворянства. Оно по-прежнему стояло высоко над простым народом, который должен был подчиняться ему, кормить и защищать от врага. Россия, по мнению консерваторов, должна была по-прежнему осторожно идти вперед своим особым, традиционным, религиозно-монархическим путем, сохраняя

Преподавателю на заметку

все права и привилегии дворянства, и в первую очередь дворянства поместного, без которого Россия, по их мнению, перестала бы быть Россией.

Этот лагерь возглавляли сам Николай II, Победоносцев, председатель Комитета министров И.Н. Дурново, статс-секретарь, а затем министр внутренних дел В.К. Плеве и др. Однако среди участников созданного в 1902 г. Особого совещания о нуждах дворянского сословия были не только консерваторы, но и либералы или либерал-консерваторы, стоявшие на более умеренной точке зрения, которые поддержали и превратили затем в законы идеи насаждения дворянского землевладения в Сибири, сохранения заповедных дворянских имений, учреждения касс взаимопомощи для дворян и др.

Для преодоления противоречий в самом правительственном лагере между Витте и Плеве им дали в 1902 г. возможность возглавить первому Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, которое опиралось на 600 губернских и уездных местных дворянских комитетов, а второму – держать под контролем Редакционную комиссию по пересмотру законодательства о крестьянах. Последняя признала, что все новые явления в крестьянской жизни, о которых говорит Витте, действительно, имеют место, но еще не получили такого развития, чтобы из-за них менять уже всю правительственную политику в деревне. В рекомендациях же Совещания 1902 г. уже более определенно говорилось о необходимости помощи государства возникающим хуторам и отрубам и облегчении выхода крестьян из общины, но все это осталось тогда только на бумаге, тем более что Витте с августа 1903 г. уже не был больше министром финансов и возглавил Комитет министров, у которого фактически не было власти, а Плеве, который советовал пресекать «игру в конституцию» и утверждал, что реформы в России может проводить только император-самодержец, был убит эсером-террористом летом 1904 г.

Вокруг документов Редакционной комиссии и Особого совещания складывалось уже и вполне определенное общественное мнение: о первой говорили, что она хочет окончательно закрепостить крестьян, а второе, наоборот, смотрит в будущее России. В 1904 г. была опубликована «Записка по крестьянскому вопросу», автором которой был Витте, и в ней подводились предварительные итоги работы Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Предлагалось освободить крестьян от опеки общины, уравнять их в правах с другими сословиями и предоставить им возможность свободного перехода к личному землевладению. Однако начавшаяся в 1904 г. война России с Японией заставила правительство сделать перерыв в работе Особого совещания и в конце концов закрыть его в 1905 г., уже после начала Первой российской революции. В итоге противоборство Витте и Плеве, убитого летом 1904 г. эсером-террористом, так

Преподавателю на заметку

и осталось незаконченным, хотя из-за позиции лично Николая II Витте вынужден был уйти на время в тень.

Новый, XX век начался с подъема массового рабочего и крестьянского движения в России, когда власть получила, но так и не учла данный ей намек на будущее самодержавного режима. За время оживления рабочего движения в 1895–1903 гг. в России произошло 6,7 тыс. забастовок, в которых участвовали 1,2 млн рабочих. В 1895 г. бастовали 80 тыс. рабочих, в 1900 г. – 100 тыс., в 1901 г. – 176 тыс., а в 1903 г. – 365 тыс. человек, участвовавших в более чем 2,2 тыс. забастовок, среди которых преобладали пока еще протестные выступления на экономической почве, хотя цифры сами по себе были еще невиданными в России.

Появилась марксистская, пролетарская, Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП) с левым (большевистским) и правым (меньшевистским) крылом, еврейский Бунд, Социал-демократия Королевства Польского и Литва, Армянская социалистическая рабочая партия и Революционная украинская партия, ориентировавшиеся на II Интернационал, но легализованных профсоюзов в России тогда еще не было.

В 1902 г. в основном на Украине и в Грузии произошло более 200 крестьянских волнений. Среди части крестьян вела работу неонародническая революционная партия социалистов-революционеров, которая вела также работу и среди рабочих, студентов и военнослужащих. При этом крестьяне тогда верили Николаю II еще больше, чем городские рабочие.

Как уже говорилось, в конце января 1904 г. в жизнь россиян ворвалась новая война – на этот раз с напавшей на Россию Японией. Ее руководящие милитаристские круги, равнявшиеся к господству своей империи над Дальним Востоком и к расширению японской территории, задевали и геополитические интересы России в этом регионе. При этом авантюристическая, крайне неосторожная политика вошедшего в доверие к Николаю II ротмистра А.М. Безобразова и целой группы «безобразовцев», а также Плеве, говорившего: «Нам нужна маленькая победоносная война» (целей которой ни солдаты, ни население страны просто не понимали), способствовали обострению отношений России с Японией, закончившихся войной двух держав в очень невыгодных для России условиях и ее оглушительным поражением.

Японская агрессия вызвала у россиян целую гамму очень противоречивых чувств, далеких, однако, от примитивного псевдопатриотического экстаза и забвения антинародной сущности правящего в России романовского режима. Социал-демократы, расколовшиеся еще на II съезде РСДРП в 1903 г. на ультралевых большевиков и более умеренных меньшевиков, были в основном «пораженцами», никогда не доходя, однако, до призывов к уклонению рабочих и крестьян от

Преподавателю на заметку

мобилизации в армию, организации саботажа на военных предприятиях и т. д. Один из лидеров РСДРП меньшевик Ю.О. Мартов писал в 1904 г. в газете «Искра»: «Мы достаточно патриоты, чтобы пальцем о палец не ударить, дабы помочь самодержавию победой над Японией укрепить свое бесчестящее Россию владычество над нашей Родиной. Но в то же время мы интернационалисты, а потому не наше дело помогать правящим классам Японии разгромить реакционную Россию».

Характерно, что когда осенью 1904 г. в Париже состоялось совещание российских революционеров и либералов для выработки совместной тактики поведения во время войны России с Японией, то и большевики, и меньшевики отказались в ней участвовать, так как стало известно, что финансирует ее проведение японское правительство, считая это для настоящих революционеров недопустимым.

В самой России Николай II вынужден был в августе 1904 г. назначить главой правительства слывшего либералом бывшего виленского губернатора П.Д. Святополк-Мирского, пытавшегося смягчить политику политических преследований в России, снять со своих постов некоторых крайних реакционеров, допустить некоторую гласность в печати и т. д.

С 20 ноября 1904 г. в ряде крупных городов империи началась банкетная кампания либералов, приуроченная к 40-летию судебной реформы Александра II. До конца года прошло не менее 120 банкетов примерно с 50 тыс. участников, что свидетельствовало о явном возрастании роли в России либеральной оппозиции. Она предлагала власти ввести в стране «сверху», по воле императора все демократические свободы, провести реорганизацию всего государственного строя империи на конституционных началах, созвать Учредительное собрание, провести полную политическую амнистию и т. д. Таким образом, градус либеральной оппозиционности явно все повышался и повышался, причем этот процесс шел и в столице, и на окраинах России.

Тем не менее Николай II по-прежнему считал, что его империя к принятию конституции все еще не готова, Святополк-Мирский с досады подал в отставку, а в опубликованном указе императора Сенату от 12 декабря 1904 г. обо всем этом опять ничего конкретного сказано не было. Шанс снять социально-политическое напряжение в России был, таким образом, опять властью упущен. В такой обстановке достаточно было искры, чтобы в России вспыхнул настоящий социально-политический пожар, продолжавшийся, как оказалось, целых два с половиной года.

6. Первая революция в России

Первая в истории России революция неожиданно началась вечером

Преподавателю на заметку

9 (22) января 1905 г. В тот день в Петербурге было варварски и безрассудно расстреляно более чем 100-тысячное мирное шествие к Зимнему дворцу столичных рабочих и членов их семей во главе со священником Георгием Гапоном, официально разрешенное городскими властями. Его организовала национально-религиозная патриотическая и просветительская организация «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга». В своей петиции к императору, заранее составленной с участием представителей либеральной, социал-демократической и рабочей интеллигенции, участники шествия заявили о своем желании немедленно закончить войну с Японией, получить гражданские свободы и «свободу борьбы труда с капиталом», а также право участвовать в выборах в национальное Учредительное собрание. При этом они писали, что готовы умереть у стен Зимнего дворца, если император не захочет выслушать их – своих «детей».

Характерно, что Николай II с семьей совершенно сознательно покинул столицу, передав решение вопроса о шествии рабочих в руки военных во главе с 62-летним дядей царя великим князем Владимиром Александровичем. Не помогло и обращение к властям делегации столичной либеральной и демократической интеллигенции с участием известного писателя Максима Горького. Встретившиеся с ней 8 января 1905 г. представители высшей бюрократии, включая председателя Комитета министров С.Ю. Витте, решили предоставить событиям идти своим чередом.

Что касается Гапона, то после «Кровавого воскресенья», как стали называть в России день 9 января, его сторонники помогли ему тайно перебраться в Западную Европу. Там, в Швейцарии, он встречался, в частности, с Плехановым и Лениным, агитируя их за создание широкого блока революционных социалистических партий, хотя из его многообещающей агитации ровным счетом ничего не вышло. Ввязался Гапон и в подготовку к транспортировке на закупленном в Англии пароходе «Джон Графтон» большой партии самого разного оружия для русских революционеров, включая большевиков и эсеров, но при загадочных обстоятельствах, связанных с участием в этой операции известного эсера-провокатора Е. Азефа, корабль сел на мель в Балтийском море, и лишь незначительную часть оружия удалось потом спасти и доставить в Россию.

В советское время в очень солидных изданиях, например в многотомной «Истории КПСС», сообщалось о том, что Гапон был провокатором, но из современной историографии эта версия уже исчезла, так как никаких подтверждений этого в документах нет. Действительно, молодой Г.А. Гапон был связан одно время с отцом «полицейского социализма» в России жандармским полковником С.В. Зубатовым и его довольно неглупым, но рискованным для власти детищем – «зубатовщиной». К концу 1904 – началу 1905 г., когда Гапон переживал

Преподавателю на заметку

апогей своей гуманитарно-политической карьеры в Петербурге, эксперимент с «зубатовщиной» правительством был уже прекращен, и священник оказался под влиянием эсеров, больше подходивших ему в попутчики по темпераменту и довольно неопределенным левым политическим взглядам. После «Кровавого воскресенья» они и переправили Гапона за границу, откуда он летом перебрался сначала в Финляндию, а позже в Петербург. Но в разгар революции было уже ясно, что время Гапона безвозвратно прошло. Он не был уже особенно нужен ни рабочим, ни тем более революционерам, вновь завязал какие-то темные связи с полицией, и в марте 1906 г. был убит рабочими под Петербургом в Озерках как провокатор. Однако его неординарная и большая, хотя и неоднозначная роль в подготовке и проведении рабочего шествия 9 января 1905 г. от этого не уменьшается, так как влияние революционных партий на массы рабочих было тогда еще невелико, а уже сам тот факт, что во главе шествия к Зимнему дворцу в тот день шел священник, лишь окружало это шествие в глазах религиозно настроенных рабочих ореолом полной законности. Для их окончательного политического просвещения требовалось еще время, причем немалое.

9 января 1905 г. в Петербурге было убито по меньшей мере около 5 тыс. человек, хотя точнее число жертв так и осталось неизвестным. Это было ничем не спровоцированное кровавое преступление власти против собственного народа, который ответил на него стачками протеста рабочих, многочисленными митингами и собраниями с участием студентов и интеллигенции, охватившими Петербург, Москву, Царство Польское, Украину и Кавказ. Так в России началась революция, о которой я рекомендую прочитать подготовленную в Институте российской истории РАН большую коллективную монографию «Первая революция в России: взгляд через столетие»².

Процесс модернизации в России в XX в. очень сильно отличается от аналогичного процесса в XIX в., когда народные массы практически в нем не участвовали, так как на политическом игровом поле были лишь император (и его правительство) и в лучшем случае реформаторы из дворянского класса типа Сперанского, Киселева, Витте и др. Теперь в Большую игру вступили целые политические партии, их вожди и идущие за ними миллионные массы россиян, что в корне меняло весь ее рисунок, накал борьбы и даже ее исход.

Уже к 18 февраля 1905 г. власть созрела до решения призвать «лучших, доверием народа обремененных» людей к участию в обсуждении будущих имперских законов. Одновременно россиянам было предоставлено право обращаться непосредственно «наверх», высказывать свое мнение о ситуации в стране и давать

---

² Первая революция в России: взгляд через столетие / А.П. Корелин, И.М. Пушкарева, Н.Г. Королева, С.В. Тютюкин, И.А. Христофоров. М., 2005.

Преподавателю на заметку

предложения, связанные с вопросами управления государством. При этом общественность живо откликнулась на этот призыв власти. А еще через полгода, 6 августа 1905 г. был обнародован более детально разработанный проект созыва законосовещательной булыгинской (по имени тогдашнего министра внутренних дел А.Г. Булыгина) Думы. Выборы в нее должны были проводиться по цензовой сословно-имущественной куриальной системе, что автоматически отстраняло от участия в них женщин, молодежь, учащихся, военнотружущих, рабочих и значительную часть населения национальных окраин. Характерно, что для крестьян, имевших свой двор и земельный надел, были предусмотрены более благоприятные условия для участия в выборах в расчете на их консерватизм и религиозность. В итоге из 140–145 млн россиян на получение права голоса могли рассчитывать не более 4 млн человек.

Правительство с тревогой ожидало начала осеннего политического сезона в стране, в котором активно должны были принять участие рабочие и студенты. 27 августа университеты получили временную автономию, использованную для организации в их зданиях политических митингов с участием двух наиболее активных социальных групп россиян – рабочих и студентов. В сентябре центр движения под лозунгами «Долой самодержавие!», «Да здравствует революция!», «Да здравствует республика!» переместился в Москву, причем вузовские аудитории превратились в места проведения революционных митингов студентов и рабочих. В московском университете на митинги ежедневно собирались до 10 тыс. человек. Тогда правительство закрыло в сентябре в стране все университеты, но добилось только одного – студенты тоже вышли вместе с рабочими прямо на улицы.

События в Москве стали прологом Всероссийской октябрьской политической стачки (7–22 октября 1905 г.) с участием около 2 млн рабочих и служащих. Благодаря активному участию в ней железнодорожников она практически парализовала на несколько недель экономическую, политическую и культурную жизнь всей огромной страны. В результате Николай II оказался практически в безвыходном положении.

Развитие массового протестного движения в 1905 г. представляло собой сложный волнообразный процесс с рядом подъемов и спадов. Главную роль в нем играли экономические и политические стачки, митинги и демонстрации рабочих и антипомещичьи аграрные выступления крестьян, нередко дополнявшиеся и их столкновениями с войсками и полицией. В это движение включались также и другие социальные слои – интеллигенция, студенты, солдаты и матросы, служащие и городское мещанство. Народный протест захватывал и национальные районы империи, где выдвигались как минимум требования культурно-национальной, а как

Преподавателю на заметку

максимум – и политической их автономии в рамках единого Российского государства.

После «Кровавого воскресенья» наиболее яркими революционными событиями первой половины 1905 г. стали: первомайские стачки и маевки в более чем 120 городах и рабочих поселках страны, 72-дневная майско-июньская забастовка рабочих-текстильщиков в Иваново-Вознесенске, которой руководил Совет рабочих уполномоченных, а также июньская стачка-восстание текстильщиков в Лодзи (Царство Польское). Тогда же произошло восстание на самом мощном броненосце Черноморского флота «Князь Потемкин Таврический» с экипажем в 750 человек, который не сдался царским властям и был интернирован в Румынии, а его команда рассеялась по всей Западной Европе. Наконец летом 1905 г. развернулась настоящая крестьянская война против помещиков по всей территории Европейской России.

Что касается российской власти, то она вынуждена была защищаться силами полиции и регулярной армии, а также использовать своих идеологов. При этом для самодержавия сложилось поистине безвыходное положение, из которого его спас вновь появившийся осенью 1905 г. на политической арене России Витте, вернувший себе после заключения им в августе 1905 г. Портсмутского мира России с Японией расположение императора. Витте хорошо понимал, что без серьезных уступок революционным силам в сложившейся ситуации уже не обойтись. Поэтому он подготовил текст манифеста Николая II, адресованного народу, и добился его принятия императором в той редакции, которую сам Витте посчитал в данный момент единственно возможной, чтобы разрядить кризисную ситуацию. Николай II «даровал» россиянам «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной свободы слова, собраний и союзов». Император заявил также о предоставлении будущей Государственной думе законодательных прав и отблагодарил Витте за его услуги монархии назначением на пост Председателя постоянно действующего Совета министров России (раньше его в нашей стране не было).

В России была объявлена политическая амнистия, а российские политэмигранты получили право вернуться на родину. Подобными «возвращенцами» в 1905 г. стали социал-демократы Ленин, Мартов, Потресов. Лишь болезнь помешала тогда сделать это и Плеханову. Вместе с тем активизировались и так называемые «черносотенные» элементы, выступавшие в защиту царизма и физически расправлявшиеся с революционерами (убийство большевика Н.Э. Баумана и др.), стремясь оказать этим поддержку монархии.

Три последние месяца 1905 г. часто называют периодом Высшего подъема Первой российской революции. Законодательные акты, принятые властью в этот

Преподавателю на заметку

период, дают конкретный ответ тем, кто считает, что революция в России начисто была лишена каких-либо элементов позитивного влияния на жизнь страны. Помимо названных только что октябрьских документов, родившихся в результате прямого воздействия революции на российские «верхи», можно назвать еще и новые «Временные правила о повременных изданиях» от 24 ноября 1905 г., упразднявшие предварительную цензуру для периодических изданий (в конце апреля 1906 г. она была отменена и для неперIODической печати – книг и брошюр). Это не означало однако полную отмену цензуры и контроля, а также разного рода наказаний издателям и журналистам за различные нарушения, обнаруживавшиеся уже после выхода в свет тех или иных неперIODических изданий вплоть до их закрытия.

Октябрьская политическая стачка в России и Финляндии оказала большое влияние и на судьбу финнов, так как 22 октября 1905 г. появился Манифест Николая о восстановлении автономии Великого княжества Финляндского. В Царстве Польском, наоборот, было объявлено в октябре военное положение. В октябре крестьянскими волнениями и восстаниями были охвачены 240 уездов – почти половина их в Европейской России, а в ноябре–декабре 1905 г. там произошло почти 1 400 поджогов помещичьих усадеб с разгромом их имущества и вооруженными столкновениями крестьян с войсками, массовыми порками сельчан и т. д. Быстро росла и численность Всероссийского крестьянского союза: к концу 1905 г. он объединял не менее 200 тыс. членов и имел около 500 волостных и сельских организаций.

Уже 3 ноября 1905 г. оперативно был издан в ответ манифест Николая II об уменьшении выкупных платежей с крестьян за их наделную землю наполовину и о полном прекращении их взимания с 1 января 1907 г., ставший императорским ответом на мощный подъем в России крестьянского движения осенью 1905 г.

За три последних месяца 1905 г. произошло также около 200 революционных выступлений в армии и на флоте. Восстанием в Севастополе руководил капитан 2-го ранга П.П. Шмидт, создавший «Союз офицеров – друзей народа». В середине ноября Шмидт поднял в Севастополе восстание большинства военных кораблей Черноморской эскадры (крейсер «Очаков» и др.) и частей севастопольского гарнизона. Восстание было подавлено, Шмидт на суде произнес пламенную революционную речь и вместе с рядом других руководителей восстания был расстрелян.

Однако постепенно правительство собралось с силами и перешло в контрнаступление (арест 3 декабря 1905 г. Петербургского Совета рабочих депутатов под руководством Л.Д. Троцкого и А.Л. Гельфанда (Парвуса), закрытие 8 столичных газет и др.). Чувствовалось, что в России назревает что-то очень серьезное.

Преподавателю на заметку

На протяжении всего 1905 г. революционеры, особенно большевики (Ленин и др.), многократно угрожали правительству тем, что в России в ходе революции обязательно произойдет вооруженное восстание. На III (большевистском) съезде РСДРП в Лондоне в апреле–мае 1905 г. вопрос о нем прямо стоял в повестке дня (доклады А.В. Луначарского и А.А. Богданова). Большое место его практическая подготовка занимала и в работе члена ЦК Л.Б. Красина. При этом нужно было добыть разными путями оружие, попробовать организовать собственное его изготовление, научить владеть им рабочих, студентов и радикальную часть интеллигенции, освоить тактику уличного боя с правительственными войсками, а также наладить взаимодействие с боевыми дружинами эсеров и другими революционерами. Решались эти задачи нелегко, медленно и в полной мере решены большевиками в 1905 г. так и не были. При этом первый настоящий бой власти было решено дать не в столице, буквально наспигованной войсками, а в Москве.

4 декабря МК РСДРП принял решение о проведении в Москве всеобщей стачки и переводе ее в восстание. Эта идея была поддержана на митингах и собраниях московских рабочих, а также на городской конференции РСДРП (большевики и меньшевики к концу 1905 г. уже действовали совместно). Была достигнута договоренность и о единстве действий с эсерами. Мирная забастовка в Москве началась 7 декабря, а на следующий день там бастовали уже 150 тыс. рабочих. 9 декабря была расстреляна полицией демонстрация на Страстной площади, затем вечером обстреляно из орудий училище Фидлера на Чистых прудах – центр революционной деятельности большевиков, а в ночь на 10 декабря по всему городу началось строительство баррикад. Днем 10 декабря столкновения с войсками происходили уже в разных районах Москвы. При этом повстанцы, действуя попартизански группами в 3–4 человека, начали теснить правительственные войска. Свидетели отмечали и участие в боях наряду с мужчинами женщин, хотя против повстанцев уже применялись пулеметы и артиллерия. Всего в Москве в дни восстания погибли 1 059 человек, включая женщин и детей.

Ситуация изменилась, когда московский генерал-губернатор Ф.В. Дубасов, который уже 7 декабря ввел в городе военное положение, доложил 13 декабря по телефону императору, что не ручается более за «целость самодержавия», а тот, в свою очередь, решил послать в Москву Семеновский и Ладужский полки. Утром 16 декабря они прибыли туда, что и решило судьбу всего восстания.

Руководящий боевой штаб восстания в Москве отсутствовал, действия повстанцев носили в основном стихийный, хаотичный характер, причем восстание быстро распалось на ряд не связанных между собой очагов. Боевая большевистская организация при МК РСДРП рекомендовала повстанцам действовать не толпой, а небольшими отрядами, не занимать укрепленных мест, а действовать там, откуда

Преподавателю на заметку

легко стрелять и легко уйти, т. е. вести фактически партизанскую войну, а не защищать баррикады.

Точных данных о количестве дружинников в Москве в декабрьские дни 1905 г. нет, и оно колеблется, по разным воспоминаниям, от 700–800 до 1 600–1 700 человек. В городе действовали большевистская, меньшевистская, эсеровская, студенческая, кавказская, железнодорожная, типографская, профсоюзная и ряд фабрично-заводских дружин. Организованно прошел в Москве и выход дружинников из боев. 19 декабря только 29-летний машинист эсер А.В. Ухтомский вывез из Москвы по Казанской железной дороге на поезде более 100 дружинников. Сам он после этого был арестован и расстрелян. Его именем до сих пор называется одна из пригородных станций Московско-Казанской железной дороги.

16 декабря в Москву прибыл Ладожский полк из Польши, а на следующий день – Семеновский полк из столицы (всего 1900 штыков). Последние бои с революционерами происходили 16–21 декабря на Пресне, где среди ее защитников преобладали эсеры.

Такой авторитетный марксистский политик и теоретик, как Г.В. Плеханов, заявил в своем «Дневнике социал-демократа» № 4 (конец декабря 1905 г.) в очень резкой и обидной для московских социал-демократов, в первую очередь большевиков, форме: «Несвоевременно начатая политическая забастовка (в декабре 1905 г. – С.Т.) привела к вооруженному восстанию в Москве, в Сормове, в Бахмуте и т. д. В этих восстаниях наш пролетариат показал себя сильным, смелым и самоотверженным. И все-таки его сила оказалась недостаточной для победы. Это обстоятельство нетрудно было предвидеть. А потому не нужно было и браться за оружие».

Это заявление вызвало настоящую бурю в российских марксистских кругах: немалая доля истины в словах Плеханова, несомненно, была, но сделанный им вывод звучал как приговор всей современной РСДРП и особенно ее большевистским руководителям. Между тем «отец русского марксизма» сбрасывал со счетов настроения самих московских рабочих в пользу восстания, достигнутое большевиками, меньшевиками и эсерами соглашение о единстве действий в его ходе, выработанные большевиками совершенно правильные рекомендации московским рабочим об их поведении в ходе боев с правительственными войсками и порядке отступления из мятежной Москвы, когда восстание было уже революционерами проиграно, что позволило им избежать ненужных жертв.

Да, значительный перевес сил был на стороне царских солдат и офицеров, несвоевременно уехали на партийную конференцию в Таммерфорсе (Финляндия) Ленин, Красин и другие большевики, очень нужные во время восстания в Москве, не удалось сорвать прибытие в Москву подкреплений для царских войск, москвичи не

Преподавателю на заметку

получили своевременной поддержки со стороны революционеров и рабочих из других районов России и т. д. Но вряд ли все это можно было предвидеть заранее. Плеханов и сам упоминал в «Дневнике» несколько других городов, где тоже произошли в декабре 1905 г. восстания, причем их было значительно больше (Харьков, Екатеринослав, Ростов-на-Дону, Нижний Новгород, Новороссийск, Красноярск, Чита, станции на Транссибирской железнодорожной магистрали). Характерно, что Плеханов позже никогда больше не вспоминал об этом ставшем печально знаменитым своем высказывании, вызвавшем настоящее возмущение его товарищей по партии.

Московское восстание в декабре 1905 г. ускорило и публикацию 11 декабря 1905 г. закона о выборах в Государственную думу. Избирательных прав были лишены военнослужащие и чины полиции. Выборы оставались многоступенчатыми (сначала избирались уполномоченные, а потом сами депутаты, и лишь в 26 крупных городах России последние избирались непосредственно) и неравными для разных сословий (крестьяне избирали 43 % депутатов, землевладельцы – 32 %, а рабочие – лишь 3 %).

20 февраля 1906 г. Госсовет царским манифестом был преобразован в коллегию, часть членов которой назначалась императором, а другая – избиралась. Крупные землевладельцы избирали 74 членов из 98, духовенство и Академия наук совместно с университетами – по 6, а торгово-промышленная буржуазия – 12. Члены Госсовета избирались на 9 лет, причем каждые 3 года треть состава обновлялась. При этом Госсовет мог утверждать или не утверждать решения Государственной думы.

Тогда же появился регламент работы Государственной думы. Император, в частности, мог распускать ее и по своему усмотрению, не отчитываясь о причинах этого своего шага. Для запроса депутатов министру необходимо было, чтобы под ним стояло как минимум 50 подписей.

23 апреля 1906 г., за четыре дня до открытия I Государственной думы (выборы в нее прошли в феврале) на совещании в Царском селе с участием Николая II были приняты «Основные государственные законы», призванные как бы подвести итог тем изменениям, которые произошли в государственном строе России во время революции к концу 1905 г. При этом сам Николай II решил на этот раз не оставаться в стороне от их обсуждения, так как речь шла о его собственных императорских правах – «главнейшем вопросе во всем этом деле». Лицемерно заявив, что акт 17 октября был дан им якобы «вполне сознательно», император тут же добавил, что «не убежден в необходимости при этом отречься от самодержавных прав», причем 80 % русского народа, по его мнению, будут на его стороне. Это была вполне определенная заявка на сохранение своих традиционных верховных прав,

Преподавателю на заметку

прозвучавшая фактически как приказ остальным участникам обсуждения, причем крайняя противоречивость всей этой ситуации в расчет императором больше даже не принималась.

С одной стороны, ни один закон в России не мог теперь согласно «Основным государственным законам» вступить в силу без одобрения его Думой, а затем и Госсоветом, но при этом он обязательно должен был быть утвержден еще и императором. Депутаты Думы присягали на верность не народу и государству, а «Его величеству императору и самодержцу всероссийскому». Министры были ответственны только перед ним, он их назначал и смещал, а также заключал договоры с другими государствами. Прерогативы Думы не распространялись на вопросы внешней политики России. Формально император не мог издавать законы без согласия Думы, но по ст. 87 «Основных государственных законов», он все же мог это сделать в перерывах между думскими сессиями, хотя и с последующим их утверждением все той же Думой. Но смущаться подобным несуразностями было не в обычае у Николая II, когда им прочно овладевала какая-нибудь идея.

Очень долгое время данный документ не считался фактической Конституцией Российской империи, но теперь его уже обычно признают таковым, хотя он явно проигрывает конституциям основных западных стран. Да и принят этот документ был даже не Государственной думой Российской империи, а узким совещанием государственных деятелей с участием самого императора. Естественно революционеры никогда не признавали его Конституцией России, так как его проект никогда не ставился на всенародное голосование, а Государственная дума воспринимала его позже уже как некую данность, не подлежащую обсуждению, и в этом своем качестве он признавался до 1917 г. и свержения в России монархии также и другими государствами.

Первая Государственная дума работала с 27 апреля по 8 июля 1906 г. и просуществовала всего 72 дня вместо положенных ей пяти лет. На составе и поведении ее депутатского корпуса, состоявшего из 496 человек, лежал еще отпечаток бурных событий 1905 г. Это во многом предопределило появление во главе I Думы левого, кадетско-трудовического (крестьянского) блока, в который входили 178 кадетов и 110 трудовиков, составлявших соответственно 35 и 20 % всего депутатского корпуса. Именно этот блок и задавал тон в работе всей I Думы. Фактическим лидером кадетов был бывший профессор Московского университета историк П.Н. Милюков, трудовиков в I Думе возглавлял ставший профессиональным политиком из крестьян А.Ф. Аладьин. При этом Милюков даже не был членом Думы и руководил фракцией кадетов из ложи прессы или из буфета Таврического дворца. Кроме кадетов и трудовиков, в I Думе были еще 65 «автономистов» (польское, коло, украинцы, эстонцы, латыши, литовцы и др.), 16 октябристов и 105 беспартийных.

Преподавателю на заметку

Социал-демократами в I Думе «записались» (так разрешалось делать по закону) всего 18 депутатов, так как сначала вся РСДРП решила еще в 1905 г. вообще бойкотировать Думу и лишь на IV (объединительном, большевистско-меньшевистском) апрельском 1906 г. съезде РСДРП в Стокгольме членам партии там, где выборы в Думу к тому моменту еще не закончились, было разрешено все же послать туда своих депутатов. Этим и воспользовались 18 меньшевиков – грузинские социал-демократы Н.Н. Жордания (фактически лидер группы, профессиональный революционер), И.И. Рамишвили и еще трое их товарищей, в том числе очень популярный в пролетарской среде рабочий с екатеринославщины М.И. Михайличенко и др. Большевики и эсеры I Думу вообще бойкотировали, хотя последние и народные социалисты (энесы) негласно были в Думе среди трудовиков.

Председателем I Государственной думы был избран московский кадет профессор С.А. Муромцев, а его заместителями тоже кадеты П.Д. Долгоруков (Курск) и Н.А. Гредескул (Харьков) – оба по образованию юристы, но первый – земский деятель, а второй – университетский профессор.

В день открытия I Думы Николай II устроил в Тронном зале Зимнего дворца короткий торжественный прием, стараясь поразить депутатов, особенно крестьян и представителей национальных меньшинств, роскошью дворцовой обстановки, близостью к императору, императрице и членам правительства, а также своей краткой приветственной речью, где он, в частности, назвал присутствующих «лучшими людьми» России. Но говорить торжественные речи император не умел, и большого впечатления на депутатов она не произвела. Затем на пароходе они отправились по Неве к екатерининско-потемкинскому Таврическому дворцу, где им предстояло заседать, причем путь их лежал мимо знаменитой тюрьмы «Кресты», из зарешеченных окон которой их приветствовали политзаключенные.

Накануне начала работы I Думы император наконец распрощался с премьером Витте, добившимся под занавес своей карьеры получения Россией большого заграничного займа, ставшего его последним «подарком» Николаю II. А тот в ответ распорядился, чтобы Витте, писавший очень интересовавшие монарха мемуары и содержащиеся в них оценки его личности и государственной деятельности, до самой смерти (1915 г.) оставался под негласным надзором полиции, хотя никакого компромата на династию Романовых в его мемуарах, как выяснилось, и не было. Преемником же Витте оказался типичный бюрократ старой школы 66-летний И.Л. Горемыкин, даже не пытавшийся потом спасти I Думу от досрочного роспуска. Именно с ним и предстояло сначала иметь дело депутатам Думы, хотя за спиной Горемыкина уже маячила фигура нового министра внутренних дел П.А. Столыпина.

Петр Аркадьевич Столыпин (1862–1911) на протяжении последних 5 лет своей жизни был самой мощной и влиятельной фигурой в правящих кругах России,

---

Преподавателю на заметку

возглавляя ее правительство и одновременно министерство внутренних дел. Он принадлежал к старинному, известному уже в XVI в. дворянскому роду, которому принадлежали земли в пяти губерниях России. Его отец был профессиональным военным и участвовал в Крымской и Русско-турецкой 1877–1878 гг. войнах. Сам же Петр Столыпин закончил виленскую гимназию и физико-математический факультет Петербургского университета, где изучал, помимо всего прочего, химию и агрономию, что особенно пригодилось ему в дальнейшем. Государственную службу молодой Столыпин начал в Министерстве государственных имуществ и продолжил ее в МВД. Он стал ковенским (Литва) уездным, а потом губернским предводителем дворянства, именно в то время познакомившись с системой хуторского крестьянского хозяйства в соседней Пруссии, что также очень пригодилось ему при проведении в России аграрной реформы, получившей его имя.

В 1902 г. Столыпин был назначен гродненским, а в 1903 г. – саратовским губернатором. На этом последнем посту он показал себя решительным, смелым, но достаточно гибким администратором, а личное мужество при усмирении бунтующих крестьян привлекло к нему внимание императора и его окружения. Тогда же у Столыпина окончательно сложился план перехода от общинно-уравнительной к состоятельной хуторской системе крестьянского хозяйства, основанной на индивидуальной частной собственности на землю. В апреле 1906 г. Столыпин возглавил МВД, а уже 8 июля одновременно стал и премьером.

Уже в самом начале работы I Думы, пользуясь тем, что трудовики не сразу освоились с новой обстановкой, кадеты в своем письменном ответе на тронную речь (которая произносилась Николаем II в Зимнем дворце) первыми изложили весь набор своих главных требований к власти – отмена смертной казни, амнистия политзаключенным, упразднение Госсовета, установление ответственности министров перед Думой, ликвидация всех казенных, удельных и монастырских земель и принудительный выкуп государством земель частных, превышающих «трудовую норму», для раздачи их крестьянам. Левые кадеты очень гордились тем, что I Дума – это Дума «народного гнева», а их указанные выше требования – это фактически «штурм правительства». Поэтому их естественно никак не устроил, например, присланный правительством в Думу для утверждения ею законопроект об ассигновании 40 тыс. руб. на строительство оранжереи и сооружение прачечной для Дерптского университета (!).

Всего депутаты Думы сделали рекордное количество запросов министрам – 391, причем они немедленно становились известны печати и общественности. Но главной темой думских прений был все же аграрный вопрос. В мае 1906 г. началось его детальное обсуждение, причем первыми внесли свой проект кадеты, а вторыми – трудовики, которые предлагали оставить помещикам лишь столько земли, сколько

Преподавателю на заметку

им было положено по «трудовой норме», а все излишки отобрать у них в принудительном порядке либо совершенно бесплатно (трудовики), либо с компенсацией их стоимостью государством (кадеты), причем последние делали исключение для «образцовых» помещичьих имений, где урожайность была выше, чем у крестьян. Был внесен и проект эсеров, предусматривавший немедленное и полное уничтожение частной собственности на землю и ее социализацию, т. е. передачу обществу. В итоге «непробиваемость» для власти кадетов и трудовиков как сторонников принудительного отчуждения помещичьей земли и стала главной причиной роспуска Думы.

Когда утром 9 июля депутаты пришли к запертым входным дверям в Таврический дворец, то нашли на них лишь объявление о роспуске Думы за то, что она «разжигала» в стране смуту. В ответ трудовики немедленно призвали всех депутатов не уезжать из Петербурга, а кадеты – отправиться всем в соседний Выборг (он находился на территории Великого княжества Финляндского и не подчинялся российским законам) и оттуда обратиться ко всем россиянам с призывом не платить налоги и не подчиняться требованию власти исполнять воинскую повинность.

9–10 июля в выборгской гостинице «Бельведер» прошло совещание с участием 220–230 депутатов из всех фракций, причем основную роль на нем играли кадеты, трудовики и социал-демократы. Воззвание «Народу от народных представителей» готовили в основном кадеты П.Н. Милюков и М.М. Винавер, а подписали его 180 депутатов, к которым позже присоединилось еще несколько десятков бывших членов I Думы, точное число которых так и осталось неизвестным. 12 июля трудовики и социал-демократы, ЦК РСДРП и ЦК ПСР обратились к крестьянству и армии с призывом к свержению существующей власти и замене ее своими выборными, а крестьян – еще и к захвату помещичьих земель. Но ответа «снизу» на эти горячие призывы не последовало.

В декабре 1907 г. 165 подписантов возвания думцев после их тщательного «просеивания» через судебное сито были приговорены к 3 месяцам тюремного заключения и лишению избирательных прав (восстановлены в них они были после Февральской революции 1917 г.). Отбывали же перводумцы, в том числе и председатель I Думы Муромцев, это тюремное заключение уже в 1908 г.

Воздействие названного выше обращения депутатов I Думы к россиянам было, прямо скажем, незначительным, но лето 1906 г. ознаменовалось все же рядом восстаний в армии и на флоте, организованных большевиками и эсерами. 17–20 июля произошли солдатско-матросские выступления в двух крупнейших крепостях на Балтике – в финском Свеаборге и российском Кронштадте недалеко от Петербурга. Первое организовали большевики, второе – большевики и эсеры по

Преподавателю на заметку

соглашению на уровне их ЦК. Третьим выступлением на Балтике стал бунт матросов с учебного крейсера «Память Азова». Результатом быстрой расправы с восставшими стали около сотни повешенных или расстрелянных, а также многие сотни сосланных на каторгу и заключенных в тюрьмы.

Естественно вставал тогда вопрос и о протесте рабочего класса и крестьянства на такое событие общероссийского масштаба, как роспуск Думы. Поднять их на нечто подобное Всероссийской октябрьской политической стачке 1905 г. и тем более на масштабное вооруженное восстание было летом 1906 г. практически невозможно, тем более что I Дума была в основном кадетской, ее роспуск соответствовал букве конституции, а ЦК РСДРП, где после IV съезда партии преобладали меньшевики, относился к восстанию в основном по-плехановски. В итоге ЦК РСДРП ограничился лишь призывами рабочих к отдельным забастовкам протеста, успеха, однако, не имевшим. Что касается крестьян, то их сочувствие депутатам-трудовикам не подлежало ни малейшему сомнению, но 700 крестьянских волнений в июле 1906 г. изменить общую обстановку в России явно не могли.

Правда, Столыпину пришлось 12 августа расплатиться за свой успех с роспуском I Думы покушением на его жизнь эсеров и большевиков (последние изготовили для этого бомбу), взорвавших дачу премьера на столичном Аптекарском острове. Там погибли 24 ни в чем не повинных посетителя премьера, его дочь была ранена, но сам он не пострадал. В ответ на этот террористический акт правительство ввело в России «скорострельные», без излишних формальностей действующие военно-полевые суды, выносившие в ускоренном порядке смертные приговоры (не все они были приведены в исполнение, но тем не менее казнены были 683 человека).

Подтвердив свою репутацию верного и смелого слуги императора, Столыпин решил, что настало время обнародовать основной замысел своей предполагаемой аграрной реформы. Поскольку Дума после своего июльского роспуска еще не функционировала, на помощь премьеру пришел императорский указ от 9 ноября 1906 г. с туманным и никого не дразнящим названием «О дополнении некоторых постановлений действующего законодательства, касающегося крестьянского землевладения и землепользования», который был в дальнейшем дополнен законом 14 июня 1910 г. и проведен уже вполне законно через III Государственную думу, хотя его реализация фактически началась еще в 1907 г.

Столыпин решил ускорить давно уже начавшийся в России процесс распада крестьянской поземельной общины, предоставив крестьянам право по выбору закреплять свои земельные наделы в собственность, продавать их или вести на них самостоятельное частное хозяйство. Он показал себя достойным продолжателем планов Витте по созданию в России многочисленного слоя преданных властям

Преподавателю на заметку

мелких и средних крестьян-собственников, способных значительно увеличить производство в стране товарной сельхозпродукции. Составной частью программы Столыпина было также массовое переселение крестьян в малонаселенные восточные районы страны, развитие кустарных промыслов и т. д. Однако этот план был реализован лишь частично по целому ряду причин, в том числе из-за сопротивления и многих менее зажиточных крестьян, видевших в общине средство своей защиты перед лицом помещиков и государства.

Историки долго думали, как следует охарактеризовать реформы Столыпина, и наконец пришли к мнению, что это были реформы консервативно-либеральные – консервативные по своей основной цели (сохранение императорской власти) и либеральные по методам их проведения с учетом интересов крестьянства, напоминая в этом отношении лучшие реформы Александра II в XIX в. – судебную и военную, когда Россия частично приобретала характер правового государства.

Убийство Столыпина осенью 1911 г. в Киеве, конечно, затронуло и судьбу его реформы, тем более что от бывшего милостивого и сочувственного отношения Николая II к Столыпину к тому времени уже ничего не осталось. Реформа так и осталась неоконченной, а начало Первой мировой войны в июле 1914 г. предопределило перерыв (а фактически конец) в ее проведении. Формально он мотивировался в 1915 г. тем, что массовая мобилизация в армию солдат затрудняет ее дальнейшее проведение, так как они хотели бы быть дома и участвовать в ее проведении. После Февральской революции, а тем более после октября 1917 г. она была уже ни к чему, так как советская власть была настроена решительно против нее. Промежуточные итоги ее проведения (из общины вышла только примерно пятая часть крестьян-общинников, владевших 15 % общинных земель) означали, что до окончания ее проведения было при Николае II еще очень далеко.

Заканчивалась Первая российская революция уже во время работы II Государственной думы (20 февраля – 3 июня 1907 г.). В составе ее депутатского корпуса (517 человек) происходили довольно противоречивые процессы: значительно увеличилось количество неонародников – трудовиков, энесов и эсеров (157 мест вместо прежних 94) и социал-демократов (65 вместо 18); кадеты потеряли почти половину мест (124 вместо 178), в чем сказывалась и неудача упомянутого Выборгского воззвания. Зато выросло количество октябристов (35 мест) и черносотенцев (49 мест). Традиционно достаточно полно были представлены так называемое Польское коло и Мусульманская фракция. Подобная структура депутатского корпуса изначально уже предвещала недолговечность существования II Думы, что через три месяца вполне подтвердилось, хотя кадеты и стремились всячески «беречь» российский парламент.

Преподавателю на заметку

Представителем II Думы стал кадет Ф.А. Головин – фигура намного менее яркая, чем председатель предыдущей Думы Муромцев. Заместителями председателя стали Н.Н. Познанский (беспартийный, левее кадетов) и М.Е. Березин (трудовик).

Уже при открытии II Думы 20 февраля 1907 г. не обошлось без конфликта: половина депутатов не встала при оглашении приветствия императора. Не примирил левых и правых депутатов и инцидент, произошедший утром 2 марта, когда еще до начала заседания обрушилась штукатурка потолка в главном зале Думы. Причем если бы это произошло во время работы российского парламента, то пострадали бы и левые, и правые депутаты (причиной была вибрация установленного на чердаке дворца электрогенератора и ветхость самого потолка). Поэтому работу Думы пришлось даже временно перенести в здание столичного Дворянского собрания, где 6 марта и выступил премьер Столыпин, эффектно завершивший свою речь демагогической фразой о том, что правительство готово якобы предоставить в распоряжение Думы свой труд, добрую волю и опыт, сказанную лишь для красного словца.

Опять совершенно неизбежные во II Думе продолжительные дебаты по аграрному вопросу (март–май 1907 г.) как и год назад, завели российский парламент в тупик, тем более что появились еще и разные социалистические аграрные проекты «муниципализации», «национализации» и «социализации» земли, а кадеты «из принципа» (хотя уже и с рядом оговорок) по-прежнему держались за идею принудительного отчуждения всех, в том числе и помещичьих, земель, превышающих трудовую норму. В итоге аграрный вопрос к весне 1907 г. так и не получил во II Думе никакого практического решения.

О чем реально заботилось правительство, стало окончательно ясно 10 мая, когда премьер раскрыл наконец свои политические карты. Столыпин начал выступление с эффектной и вошедшей в историю фразы: «Им (революционерам, сидевшим на левых скамьях. – С.Т.) нужны великие потрясения, нам (правительству и всем благомыслящим депутатам) нужна Великая Россия». Подтекст ее Столыпин частично раскрыл чуть ниже, сказав от имени власти, что она не позволит «обездолить» 130 тыс. владельцев земли и оторвать их от привычного и «полезного для государства» труда. Это был прозрачный намек на то, что власть целиком и полностью остается на стороне помещиков, тогда как многочасовые аграрные прения в Думе для него – лишь некая «говорильня», создающая видимость широкого, «современного» подхода власти к «объективному» выяснению взглядов различных слоев российского общества и различных политических партий на ситуацию в стране. Из этого и будет исходить правительство, решая и вопрос о судьбе Думы и депутатов, считал Столыпин.

Преподавателю на заметку

Еще раньше скандалом закончилось апрельское обсуждение на закрытом заседании Думы вопроса об утверждении контингента новобранцев, подлежавших призыву в армию в 1907 г. Казалось бы, серьезных возражений с чьей-либо стороны ждать здесь правительству не приходилось, но меньшевик из Тифлиса А.Г. Зурабов вдруг заявил, что российская армия сильна только при подавлении революционных выступлений внутри России, но будет всегда терпеть поражения на Востоке (имелась в виду русско-японская война 1904–1905 гг.). Правые депутаты расценили речь Зурабова как оскорбление армии, возникла словесная перепалка, а оратор, получив замечание председателя, был лишен слова и осужден на 5 лет каторги, бежал с нее и эмигрировал за границу. Вернулся Зурабов в Грузию уже только в 1917 г.

После всего этого многим уже казалось, что досрочный роспуск II Думы, как было год назад и с ее предшественницей, вот-вот станет фактом, но правительство почему-то медлило. Уже после роспуска II Думы 3 июня 1907 г. стало ясно, что с помощью полиции шел поиск доказательств преступных связей думской фракции РСДРП с представителями вооруженных сил для организации в России военного заговора против существующей власти. Инициатором этой провокации был сам Столыпин, хотя агитационная работа социал-демократов в вооруженных силах (а она действительно велась) отнюдь не была тождественна организации подобного заговора, а более серьезных фактов в распоряжении полиции так и не оказалось.

Тем не менее, Столыпин 1 июня 1907 г. потребовал исключить из состава депутатов Думы 55 социал-демократов, а 16 из них во главе с меньшевиком И.Г. Церетели лишить депутатской неприкосновенности и дать санкцию на их арест по обвинению в подготовке военного переворота. В ночь на 3 июня эта первая группа социал-демократов была арестована, а днем того же дня II Дума была распущена и издано Положение о выборах в следующую III Думу, менявшее очень сильно весь ее состав.

С социал-демократической фракцией Столыпин расправился довольно сурово. Руководитель ее меньшевистской части 25-летний грузинский социал-демократ И.Г. Церетели происходил из древнего обедневшего грузинского дворянского рода, окончил гимназию в Тифлисе и поступил на юридический факультет Московского университета. Но уже на втором курсе он был арестован за активное участие в студенческом движении. С осени 1903 г. Церетели стал меньшевиком, а с февраля 1907 г. возглавил меньшевистскую часть фракции РСДРП II Государственной думы (большевиками там руководил Г.А. Алексинский). В Думе Церетели привлек всеобщее внимание своими резкими антистольпинскими выступлениями. Отчитавшись в мае 1907 г. на V съезде РСДРП в Лондоне о своей работе, Церетели, которого от нападок Ленина защищали Мартов, Дан и Троцкий, добился признания в съездовской резолюции, что его фракция «в общем и целом» стояла на страже

Преподавателю на заметку

интересов пролетариата и революции, что было большим успехом молодого меньшевика.

В июне 1907 г. Столыпин добился того, что Церетели почти на целых 10 лет был вычеркнут из списка думских политиков и провел их в Сибири, откуда его освободила только Февральская революция.

3 июня 1907 г. в России был произведен настоящий государственный переворот, так как новый избирательный закон был утвержден только императором без одобрения его Думой и Госсоветом. Теперь на думских выборах 1 голос помещика приравнивался к 4 голосам крупной буржуазии, 68 голосам буржуазии мелкой, 260 голосам крестьян и 543 голосам рабочих. Изменение указанных соотношений было настоящим ударом по принципам демократии, которая и прежде в России была крайне ограниченной и далекой от принципа гражданского равенства всех избирателей. Правительство же тем самым давало понять народу, что революция в России закончена и возврата к уступкам ему со стороны власти больше не будет.

В рамках настоящего очерка, посвященного проблеме преодоления Россией в XIX – начале XX в. своего цивилизационного отставания от более передовых западных стран, период 1905–1907 гг. занимает особое место. В XIX в., как мы помним, сложился определенный сценарий этого процесса: в центре его находился император, принимавший окончательное решение о реформах, рядом с ним могли быть министры-реформаторы типа Сперанского, Киселева, Лорис-Меликова, Витте, которым уделялось в очерке особое внимание, и небольшие группы интеллигенции, создававшие общественное мнение вокруг подобных преобразований, и целая команда революционеров 1860–1870-х гг.

В 1905–1907 гг. к ним присоединились новые действующие лица – миллионы российских рабочих и крестьян, широкие круги интеллигенции и многочисленные представители европейского и мирового общественного мнения, пристально следившие за развитием ситуации в России. При этом от всех новых акторов зависело теперь неизмеримо больше, чем прежде.

Все указы о новых общественно-политических реформах в России в XX в. по-прежнему подписывались императором, которым с 1894 г. стал Николай II, но этот последний российский монарх был значительно слабее своих предшественников из династии Романовых. Правда, рядом с ним были два выдающихся государственных деятеля – С.Ю. Витте и П.А. Столыпин, однако он их в полной мере не оценил и готов был легко с обоими расстаться. Общий же уровень руководства Россией в начале XX в. по сравнению с предыдущим периодом в целом явно понизился.

К сожалению, российская статистика в годы революции оказалась не на высоте, и имеющиеся в распоряжении современных историков данные далеко не в полной

Преподавателю на заметку

мере отражают реальную картину российской действительности, что регулярно отмечают в своих работах сегодняшние специалисты.

В начале XX в., и особенно в годы революции, рабочие перестали молчать о своих бедах и гораздо чаще, чем прежде, прибегали к стачкам протеста. За годы революции задокументированы 2,8 млн забастовщиков в 1905 г., 1,1 млн – в 1906 г. и 450 тыс. – за первые 5 месяцев 1907 г., т. е. всего 4,42 млн рабочих за весь период революции на предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции. С учетом же всех категорий рабочих эта цифра возрастает до 8–10 млн рабочих за весь период революции, тогда как за то же время в США и Германии их было по 1,2 млн, в Италии – 1 млн, Франции – 0,8 млн человек и т. д.

За время революции сократилась продолжительность рабочего дня, и на большинство предприятий она составляла уже 9–10 часов в сутки. При этом на отдельных предприятиях в октябре–ноябре 1905 г. рабочие боролись уже за 8-часовой рабочий день. Сократилось количество и величина штрафов и т. д.

К концу революции в России было уже 1 350 профсоюзов, которыми были охвачены более 330 тыс. рабочих на территории до Сибири и Дальнего Востока включительно. Однако сейчас прекращена, к сожалению, всякая работа над составлением хроники стачечного рабочего движения в России в 1905–1907 гг., не изучаются узаконенные в 1906 г. отечественные профсоюзы, а также Советы рабочих депутатов 1905 г. Не говоря уже о продолжении работы над изучением 26 тыс. крестьянских выступлений в период революции, выявленных еще советскими историками, а также о революционных выступлениях в вооруженных силах (за участие в них были осуждены в годы революции до 60 тыс. российских военнослужащих).

Все же отметим повышенное внимание современных историков к изучению процесса политизации России в годы революции (история непролетарских политических партий и союзов России, ее первого отечественного парламента – Государственной думы, а также печати самых разных направлений, а не только большевиков, как в советский период). Стали изучаться и общественные организации, включая благотворительные.

Неизмеримо более сложную задачу представляет анализ крестьянского движения. Из выявленных советскими историками около 26 тыс. крестьянских выступлений за годы революции больше всего их приходилась на долю Украины (почти 7 тыс.), Среднего Поволжья – 5,6 тыс. и Черноземного Центра (3,4 тыс.).

Шел также процесс консолидации российской буржуазии, особенно «молодой» (П.П. Рябушинский, А.С. Вишняков, С.И. Четвериков и др.). За европеизацию отношений власти с представителями делового мира активно выступали С.Т. Морозов, Н.И. Гучков и др.

Преподавателю на заметку

Очень активно шел процесс политизации российского общества, создания политических партий, образования Государственной думы и активизации деятельности прессы. Этот процесс приобрел в 1905–1906 гг. характер настоящего взрыва. Начался он еще в XIX в., заметно оживился в начале 1900-х годов, но с конца 1904 г. и особенно после «Кровавого воскресенья» 1905 г. принял необратимый и перманентный характер, когда на российском политическом поле непрерывно появлялись все новые игроки. Если к 1905 г. в России уже было около 40 радикальных и либеральных партий и союзов, то в 1905–1907 гг. к ним прибавились не менее 90 новых, причем как всероссийского, так и регионального масштаба. Характерно, что вся эта многопартийная система была, если так можно выразиться, явно сдвинута в России влево, в сторону социалистического радикализма, либерализма и национального автономизма. Наиболее влиятельными и массовыми среди политических партий и союзов революционного периода, если идти справа налево, были: правоконсервативный монархический «Союз русского народа» (лидер – детский врач А.И. Дубровин), правоцентристский «Союз 17 октября» (лидер – крупный торгово-промышленный, финансовый и общественный деятель А.И. Гучков), левоцентристская партия конституционных демократов (кадетов) во главе с историком России, бывшим профессором Московского университета П.Н. Милюковым и две радикальные социалистические партии – социал-демократы (лидеры ее «большевиков» и «меньшевиков» марксистские публицисты и журналисты В.И. Ленин и Ю.О. Мартов) и социалисты-революционеры (лидер – публицист левонароднического направления В.М. Чернов). Совершенно очевидно, что количество заявивших о себе в 1905–1907 гг. в России партий и союзов превышало все разумные пределы, но гипермасштабность процесса партийного строительства была, видимо, неизбежна и являлась на первых порах спутником недостаточно высокой политической культуры масс, повышенной амбициозности их руководителей, среди которых преобладала более радикально настроенная интеллигенция.

Указанные партии проводили свои съезды, имели собственные печатные органы, программы, а также местные партийные организации. Они вели постоянную острую полемику между собой и имели свои фракции в Государственной думе, причем стенографические отчеты о выступлениях там их депутатов регулярно публиковались в открытой печати. Думские депутаты от национальных районов империи (Польша, Прибалтика, мусульмане Поволжья) образовывали свои объединения (Польское коло, мусульмане-автономисты), участвовавшие в думских прениях с изложением своих позиций по обсуждаемым вопросам.

Объектом деятельности российских политических партий были у каждой из них определенные социальные слои общества. Они занимались выпуском

Преподавателю на заметку

социально-политической литературы, проведением своих кандидатов в Государственную думу, участвовали в ее работе на пленарных заседаниях, в комиссиях, на встречах с избирателями, во время поездок по стране в период думских каникул и т. д. Первые два созыва Государственной думы в 1906 и 1907 гг. оказались очень кратковременными в силу возможности для власти пресекать их деятельность даже без достаточных объяснений и поиска убедительных предложений для этого. Но после 3-июньского государственного переворота правительство получило наконец Думу с приемлемым для него составом депутатов и Россия стала с рядом оговорок парламентской монархией, когда с ноября 1907 г. начала работать III Дума, избранная в соответствии с законом от 3 июня 1907 г., хотя она уже в гораздо меньшей степени отражала взгляды и желания своих избирателей. Впрочем, власть подобная ситуация в России вполне устраивала. Если не считать столыпинской аграрной реформы, то никаких крупных преобразований в России в 1907–1912 гг. больше практически уже не произошло.

По большому счету процесс модернизации России продолжается и поныне, но он имеет уже новое содержание и новые формы и выходит далеко за рамки настоящего очерка.

Библиография работ по теме

- Административные реформы в России: история и современность. М., 2006.
- Акопянец А.С. Программа РСДРП. История создания. Историография. СПб., 2014.
- Анфимов А.М. П.А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002.
- Бибиков Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009.
- Бокова В.М. Эпоха тайных обществ: русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003.
- Боханов А.Н. Николай I. М., 2008.
- Боханов А.Н. Александр III. С Россией на плечах. М., 2013.
- Будницкий О.В. Российская социал-демократия: проблема терроризма в России. М., 2010.
- Воронкова С.В. Цимбаев Н.И. История России. 1801–1917. М., 2007.
- Государственная дума Российской империи. Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2008.
- Гросул В.Я. Общественное мнение в России XIX века. М., 2013.
- Гросул В.Я. Русское общество XVIII–XIX веков. Традиции и новации. М., 2003.
- Гросул В.Я., Итенберг Б.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000.
- Захарова Л.Г. Александр II и отмена крепостного права. М., 2011.

Преподавателю на заметку

- Иванова Н.А., Желтова В.П.* Сословно-классовая структура России XIX – начала XX века. М., 2004.
- Измозик В., Старков Б., Павлов Б., Рудник С.* Подлинная история РСДРП–РКП(б)–ВКП(б) без умолчаний и фальсификаций. Краткий курс. СПб., 2010.
- Итенберг Б.С., Твардовская В.А. М.Т.* Лорис-Меликов и его современники. М., 2004.
- Исмаил-Заде Д.И.* Императрица Елисавета Алексеевна. Единственный роман Императрицы. М., 2001.
- Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001.
- Ковальченко И.Д.* Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. М., 2004.
- Корелин А.В.* Кооперация и кооперативное движение в России 1860–1917 гг. М., 2009.
- Корелин А.В.* Власть и общество в России. Век XIX-й: время ожиданий и перемен. М., 2013.
- Логонов В.Т.* Неизвестный Ленин. М., 2010.
- Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. 2-е изд., доп. М., 2006.
- Модели общественного переустройства России. XX век / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004.
- Миронов Б.Н.* Благосостояние населения и революция в имперской России XVIII – начала XX века. М., 2010.
- Очерки русской культуры XIX века. Т. 1–6. М., 1998–2005.
- Первая революция в России: взгляд через столетие / А.П. Корелин, И.М. Пушкарева, Н.Г. Королева, С.В. Тютюкин, И.А. Христофоров. М., 2005.
- Петр Аркадьевич Столыпин. Энциклопедия. М., 2011.
- Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 1–4. М., 2002–2003.
- Писарькова Л.Ф.* Городские реформы в России и Московская городская Дума. М., 2010.
- Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России в первой четверти XIX в. Замыслы, проекты, воплощение. М., 2012.
- Рахматуллин М.А.* Екатерина II, Николай I, А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 2010.
- Революционная мысль в России XIX – начала XX века. Энциклопедия / отв. ред. В.В. Журавлев. М., 2013.
- Россия в начале XX в. Исследования. М., 2002.
- Репников А.В.* Консервативные концепции переустройства России. М., 2007.
- Рокитянский Я.Г.* Гуманист октябрьской эпохи академик Д.Б. Рязанов. М., 2009.
- Российский либерализм середины XVIII – начала XX века. Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010.
- Ружицкая И.В.* Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М., 2005.

Преподавателю на заметку

- Ружицкая И.В.* Просвещенная бюрократия (1800–1860-е гг.). М., 2009.
- Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века. Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010.
- Соловьев К.А.* Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011.
- Туманова А.С.* Самодержавие и общественные организации в России. 1905–1917 года. Тамбов, 2002.
- Тюкавкин В.Г.* Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001.
- Тютюкин С.В.* Большевики: страницы истории. М., 2002.
- Тютюкин С.В.* 10 лет в журнале «Отечественная история». М., 2005.
- Тютюкин С.В.* Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917 гг.). М., 2012.
- Ульянова Г.Н.* Благотворительность в Российской империи. XIX – начала XX веков. М., 2005.
- Урилов И.Х.* История Российской социал-демократии (меньшевизма). Ч. 1–4. М., 2000–2008.
- Шевченко М.М.* Конец одного Величия: власть, образование и печатное слово в императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003.
- Шелохаев В.В.* Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015.
- Шерстянников Н.А.* История меньшевистской фракции РСДРП (1903 – февраль 1917 гг.). М.: Экон-информ, 2003.
- Христофоров И.А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 – середина 1870-х гг.). М., 2002.
- Христофоров И.А.* Судьба реформы. Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011.
- Христофоров И.А.* Александр Николаевич Романов. М., 2015.
- Чернов К.С.* Забытая конституция. Государственная Уставная грамота Российской империи. М., 2007.
- Ячменихин К.М.* Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. Чернигов, 2006.